

НАДЕЖДА САМАЕВА

ВОДНЫЕ МАГИ
ЖГУТ

«Экзорцисты – это люди долга. Они отлично помнят, кто и сколько им должен. Могут выбить недоимку даже с инкуба и заставить Эйту заплатить земельный налог. При этом они способны пойти на компромисс в свою пользу в отношении супружеских обязательств» – *цитата из письма новобрачной светлой чародейки своему отцу.*

«Если светлая чародейка обещала хорошо себя вести, но спустя время вы услышали шум взрывов и увидели, как рушится одна из башен вашего замка, знайте: она очень старалась» – *выдержка из дневника давно и безответно женатого экзорциста.*

- [Надежда Мамаева](#)

- - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 -
-

Надежда Мамаева

Водные маги жгут

Мир
светлых
и темных
земель

северные земли

Касселрок

Веншпей

шумерлинская
топь

Хеллвиль

Удел
Гейзлорру

гадючья
топь

Вейхон

пижанские
леса

Эденская
крепость

Удел
Найрисов

Йонль

Дроман

Трезубец
смерти

Арринда

Тайра

Талиин

тинийская долина

монаст.
Св.Ингориды

Ленирросс

Майрик

Лононер

Темногорье

Удел
Лавронсов

Рор

Удел
Мероссов

Бейсмин

Шойс

Южный
предел

Вейла

Большие
Животинки

атарийская пустошь

Аниррисск

Хорс

Алжиррас

савишская пустошь

– У этих инкубов только одно на уме: чтобы не перевелся их демонский род! – в сердцах сказала, как плюнула, белочка, она же – Дарящая Безумие всем желающим и не желающим этого. Причем Эйта презентовала шизофрению своим клиентам оптом и вразвес, займы и авансом.

– И, судя по количеству ваших совместных чад, думает он об этом усиленно и регулярно. – Смерть перекинула косу из одной своей костлявой руки в другую, кивнув на детскую коляску. Из оной торчали острые маленькие рожки, ушки с кисточками и пушистые хвосты цвета охры, а с ними – минимум обещание нервного срыва любому, кто решит проявить интерес к рыжему беличьему выводку.

Из люльки доносилось писклявое многоголосье:

– Ма-а-а-ма!

– Пи-и-ить!

– Писать!

– Хочу куша-а-а-ать!

– Хочу куклу вуду!

– Проклятье!

Последнее выпалила уже Эйта, нервно дернув хвостом и подняв выпавшую на парковую дорожку игрушку, истыканную ежиными иголками: как говорится, чем бы исчадь... чада ни тешились, лишь бы не громили все вокруг... А если ёж убежать не успел, это его проблемы, а не многодетной матери.

Едва Дарящая Безумие сунула куклу в лапы бельчонку, как тот метко отправил пупса в новый полет.

У белки задергался глаз.

– Неужели некому с ними посидеть?

– С ними, – при этих словах рыжая привычно, рефлекторно цапнула попытавшегося самоубиться бельчонка, который едва не вывалился из коляски, – посидеть нельзя. Только поседеть. Зато с гарантией и сразу на всю голову. Как мои свекор со свекровью... – Эйта дернула мордочкой в сторону наследников и втиснула неудачливого прыгуна к остальным, оборвав сама себя. Но потом собралась с мыслями и продолжила: – Теперь эти демоновы родственнички решили, что внуков любят, очень любят, но на расстоянии.

– Вытянутой руки? – наивно уточнила Хель, имея в виду мокрые пеленки, которые могли обмарать бабушку и дедушку, испортив тем впечатление о воспитанности наследников.

– Бездны, – мрачно припечатала Эйта. – Теперь они только советы дают по воспитанию. Дистанционно.

Смерть недоверчиво и теперь с куда большим уважением и опаской посмотрела на ходящую ходуном детскую коляску. Ей даже почудилось, что в недрах этой новой сверхмодной люльки, по бокам которой были высечены скалящие клыки упыри, твари Бездны, зомби и волколаки, сидят не симпатичные бельчата, а минимум всадники апокалипсиса. Только они пока ясельного возраста. Но, как говорится, все впереди.

Хель почесала острым навершием косы свой черный балахон и с сомнением произнесла:

– Эйта, скажи мне, ЧТО нужно сотворить, чтобы два высших исчадия Мрака, пережившие Великий Прорыв, укротившие не одно восстание тварей истинной Тьмы, поседели?

– Конкретно мне – поддаться на уговоры одного инкуба и выйти замуж... – Белка решительно схватилась лапами за ручку коляски и затрясла ее, то ли укачивая свой шумный выводок, то ли взбивая его, будто пахтала масло. Судя по всему, второе, потому как шебутная мелочь на манер сливочных сгустков опала на дно люльки и, главное, на пару секунд затихла.

– А я тебе еще у алтаря в качестве свадебного подарка предлагала убить его тихо и побыстрому, – напомнила Смерть. – А что? Самое лучшее от брака ты уже получила: цветы, белое платье, подарки родственников... Так что учти, если что – мое предложение все еще в силе.

– Ну уж нет! Пусть мучается! Тем более он пока не нашел места, куда мы всей семьей смогли бы переехать.

– А как насчет твоей родни? – с сомнением спросила Хель.

– Ты что?! Я не могу допустить, чтобы мои крошки росли в такой ужасной атмосфере, – тут же возмутилась белка и ударила себя лапой в пушистую грудку, произнеся на одном дыхании: – Яжмать!

Видимо, стукнула сама себя Эйта в порыве чувств столь сильно, что сбила дыхание и закашлялась. Впрочем, это не помешало ей цыкнуть на одного из бельчат, который в захвате хвостом начал душить своего собрата.

– Стоит заметить, что ты сама в этой самой атмосфере прекрасно выросла...

– Тебе напомнить, как мой брат, Голод, вечно пытался меня сожрать, сестричка Война – ужокошить, а Мор – подсунуть какую-нибудь дрянь...

– Вообще-то именно Мор нас и познакомил, – так, ни на что не намекая, напомнила Хель.

– Угу, он тогда пытался произвести на тебя впечатление и готов был на все, чтобы ты обратила на него внимание.

– Я не настолько сошла с ума, чтобы встречаться с ним.

– Вот и он так же говорил и решил, что сестра – Дарящая Безумие – это хорошо, удобно, а главное – можно сэкономить на авансе, – мечтательно протянула Эйта, вспомнив, как они с Хель пропили тот самый задаток. Знатный был самогон. И компания Лавронса – тоже ничего. – Кстати, а как ты моего братца все-таки от себя отвадила?

– Сказала, что я буду верна ему до гробовой доски. Его гробовой доски. Этого оказалось достаточно, чтобы Мор утратил ко мне интерес.

Именно в этот момент воздух перед Хель и Эйтой закружился и на парковой дорожке соткался невероятно счастливый однорогий инкуб.

– Моя невозможная гадостная прелесть! – распахнув объятья, воскликнул он, ринувшись к рыжей супруге. Но дети оказались быстрее. В едином порыве выпрыгнув из коляски, они повисли на любимом отце, как шишки на елке.

– Папа! Папочка появился! Папа! – многоголосый писк разнесся по всей округе.

– Ну вот, рожаешь их, мучаешься, кормишь, хвосты чистишь, а они – «папа-папа», – Эйта проворчала в усы, причем, скорее для порядка.

– Я нашел для нас удивительное место. Усадьба на берегу моря, где детки будут чувствовать себя привольно и хорошо...

– И где? – полюбобпытствовала белочка.

– Северный удел Темных. За Пижанскими лесами. Кстати, в них такие нажористые вурдалаки водятся, что ух! – воодушевленно вещал инкуб. – Только от хозяина надо избавиться. Сведем его быстренько с ума и заживем...

К слову, Аррмоятрий был самым неправильным инкубом из всех, которых знал Мрак. Потому что в браке он оказался не только верен своей супруге (да и попробуй измени той, что Дарит безумие), но и держался за ее любовь крепче, чем подгорелая яичница – за дно сковородки.

– Постой... – протянула Хель. – Это не удел ли Хозяина Бурь ты имеешь в виду?

– Его... – слегка озадачился инкуб. – А что?

– Знаешь, не хотелось бы тебя огорчать, но Дроккрина Стоуна, темного экзорциста, которой и владеет этими землями, свести с ума не проще, чем ледяную глыбу.

– А ты-то откуда знаешь? – подозрительно уточнил инкуб тоном «дорогая, я терплю твою подругу только ради тебя».

– Я его убить пыталась. Больше дюжины раз! А он жив-живехонек, гад снежный. – С этими словами Хель метко сплюнула под ноги, убив тем спешившую по дорожке сколопендру.

– М-да... – Эйта почесала затылок, созерцая, как дети вдохновенно пытаются отломать единственный папин рог. Инкуб стоически терпел. – Ну значит, сначала потренируюсь на его жене, а потом и его самого сведу в лабиринты безумия...

– А вот с женами у Дроккрина туго, – перебила белку Хель, явно воспрянув духом. – Точнее, даже не с женами, а с невестами.

– Осаждают? – участливо поинтересовался демон.

– Наоборот... Как брусчатка на центральной площади Йонля, – туманно намекнула Хель и, видя недоуменный взгляд беличье-демонова семейства, пояснила: – Не приживаются они. Отвергает их земля северная...

– Мрут, что ли? – понятливо уточнила Эйта.

– В основном – да, – гордо отозвалась Хель тоном того, кто приложил к этому делу и костлявую руку, и косу жнеца душ, и много чего еще. – А новому Хозяину Бурь до исхода этого года обязательно нужно жениться. Хоть убейся, но если ты стал главой северного удела и не успел к тому моменту обзавестись супругой, то будь добр в ближайшее время отловить какую-нибудь темную и прогуляться с ней к алтарю. Таков закон.

– Не слышал о подобном обычае... – отдирая от уха очередного своего отпрыска, невозмутимо произнес инкуб.

– Тю! Тьма ты демонская, необразованная! – фыркнула Смерть. – Еще скажи, что и о Дикой охоте ничего не слышал в своем Мраке?! И не знаешь ничего о Всадниках, что мчатся сквозь снежную равнину, отнимая жизни и нагло воруя души умерших?! Между прочим, мои души, законные, умыкая! – возмутилась Хель. – Издавна противостоял этой своре Хозяин Бурь. И противолежал тоже, если умирал в битве. Но потом в роду шустро выбирали нового Хозяина Бурь и... В общем, еще лет сто назад род Стоунов как по расписанию отбивал эти набеги. А потом отец Дроккрина умудрился заключить со Всадниками Дикой охоты мирный договор...

– А женитьба-то тут при чем?

– Да при том самом, что эти наездники признают только свои обычаи. А по ним у вождя должна быть жена. Живая. И если хёдвиг не может свою супружницу от смерти

уберечь, то под силу ли ему за целый народ постоять? Правильно, не факт. А значит, такого главу не грех и пришибить. А его народ – поработить.

– Так ему жена для статуса нужна, как императору светлых земель – корона на затылке?

– Ну да, – пожалала плечами Хель.

– А если супруги к исходу года так и не същется?

– То, скорее всего, в этот раз Всадники не станут садиться за стол с новым Хозяином Бурь, а поднимут мечи. И будет много смертей... – последние слова костлявая произнесла с особым удовольствием.

– А потом? – уточнила Эйта.

– А потом к кому-то приду в гости я. Хотелось бы к Дроккрину. Уж больно он меня достал, зараза. Живучий, что сил моих дамских на него уже нет!

– А что, его удел настолько хорош? – прикидывая что-то в уме, спросила Эйта.

– Для наших деточек, – с любовью в голосе произнес демон, отцепляя от себя бельчат и выпуская их в шуршащую осеннюю листву, – идеален. Какой там чистый воздух, море... Да, немного холодновато, зато без кракенов, которые в южных землях. К тому же водичка бодрит. Опять же закаливание. Ни восстаний вшивых заключенных, ни блохастых пиратов... Помнишь, как после той шхуны, которую потопил наш малютка, пришлось у Хаосика паразитов вычёсывать? Подцепил малыш заразу у кого-то из этих оборванцев. Да что там разбойники – там даже трупов мало! Потому как пришлые туда не суются, а местных – немного. Зато люди не сидят на головах друг у друга, как в столицах... Если что, их численность успешно регулирует пижанская нежить. В общем, благодать, тишина и спокойствие...

– Хель, а что, если нам с тобой поспособствовать тому, чтобы этот... как его там... ну нынешний хозяин нашего будущего удела напоролся на мечи Всадников Дикой охоты. Они ведь наверняка, как его укокошат, не останутся в замке. Перебьют всех, пограбят и ускачут... Они ведь вольное племя... А нам для деточек останутся чудесные земли... – глядя на резвящихся в золотисто-охровом опаде бельчат, умиленно произнесла Эйта и мечтательно добавила: – И главное, никаких родственничков.

– До исхода года осталась всего пара седмиц. Скоро первый снег. А с ним и Всадники Дикой охоты, – в голосе Смерти прозвучало предвкушение, без слов говорившее: Дроккрин уже труп, впрочем, как и любая его потенциальная невеста. Ведь нет силы страшнее и опаснее, чем мать, желающая добра своим чадам.

Глава 1

– Помогите! Чести лишают! – крикнула я, напрочь лишившись совести. Своими силами, без сторонней помощи лишившись. Давно и прочно.

Руками взбила волосы, чтобы придать себе помятый вид. Ибо лэр самостоятельно приставать ко мне категорически не желал. Даже отошел на пару шагов, не иначе как опасался контузии от звуковой волны. Чернильная темнота комнаты практически скрыла его.

Вопила я во всю силу своих легких, стараясь на благо будущего семейного счастья лэриссы Викар. На что только не пойдет девушка, чтобы выйти замуж?! А уж ее две младшие сестры, дабы отправить старшую под венец... Даже скинутся на скандал.

Его-то я сейчас и организовывала. Да как! С размахом. Причем делала сие бесчинство во дворце императора, аккуратно на посольском приеме.

– До этого момента я даже и не думал прикасаться к вам, – раздался из темноты чуть насмешливый бархатный баритон.

– А сейчас – уже хотите? – сбавив громкость, деловито уточнила я, отступая к козетке. Чисто из чувства самосохранения отступая. Так, на всякий случай, если в меня захотят кинуть ядреным ругательством, или стулом, или пульсаром. Кто этих благородных аристократов знает? А все потому, что не ведают они своего будущего счастья, оттого так и реагируют!

– Да, но только не взять силой, а убить, если вы не прекратите орать, – в голосе собеседника послышалась сталь.

– Даже если вы будете меня душить, я все равно буду кричать, что лишают чести, а не жизни, – честно предупредила я и добавила: – Так что постойте смирно, не мешайте мне вас компрометировать.

– Вообще-то, обычно порочат репутацию лэрисс, а не наоборот, – холодно заметил будущий супруг Аниты Викар, под чьей личной я сейчас и актерствовала.

– Чья есть, ту и порочу, – фыркнула я.

Моим словам вторил топот ног. По коридору явно спешила толпа. Пока еще она была далеко, но с каждым мигмом приближалась. Ну вот, сейчас все и закончится. Лэр Винор, наследник древнего светлого рода, будет вынужден жениться на опороченной им девице Викар, а я получу вторую часть своего гонорара.

В этот момент в руке будущего жениха вспыхнуло ядовито-зеленое пламя, озарив неровным светом собеседника. И я поняла: вышла промашечка. У светлого мага-стихийника Винора Нормирского как минимум были рыжие волосы и янтарные глаза. Стоявший же передо мной тип был светло-русый. Настолько светло, что почти блондин. Будто на его волосы легла снежная поземка, припорошив тонкие косы, которые перемежались с гладкими волосами, и все это безобразие было еще собрано на затылке в хвост.

– Твою ж Бездну, – вырвалось у меня любимое ругательство моей няни...

– Отрадно видеть перед собой темную соплеменницу, – меж тем усмехнулся этот недожених, превратно поняв мою географическую оценку ситуации. Интересно, если бы я дала анатомическую характеристику тому, куда угодила, то он бы принял меня за целителя?

– Вы обознались, – на чистом глазу заявила я. – Перед вами исключительно светлая магесса в трехсотом колене, и вообще... И... Мне пора!

С этими словами ничтоже сумняшеся ринулась к окну, на ходу запустив в створки раскрывающимися чарами. У организатора семейного счастья всегда должен быть запасной план. Отхода, отполза, передислокации... В общем, того, как выбираться из неприятностей. Дилетанты чаще всего использовали для этого первейший способ ухода от бед – ноги. Но я, как истинная дочь семейства Флейм, не мелочилась. У меня на стреме лежала верная метла!

Высунулась в чернильный холод ночи по пояс, свистнув на ультразвуке. Наверняка со стороны комнаты вид моего оттопыренного зада, обтянутого юбкой, был весьма интригующий. Ну да плевать. Убедившись, что моя летунья услышала зов, я вскочила уже ногами на подоконник.

Топот в коридоре был совсем рядом. Обернулась, выпрямившись в полный рост, и поймала на себе заинтригованный взгляд темного. Его рот чуть скривился в легкой усмешке, словно он ждал, чем же все закончится. Впрочем, делал это с умеренным интересом.

Я деловито отряхнула подол и выдала:

– Лэр, вы опозорили меня. Я не могу этого вынести, – вместо прощания произнесла с надрывом.

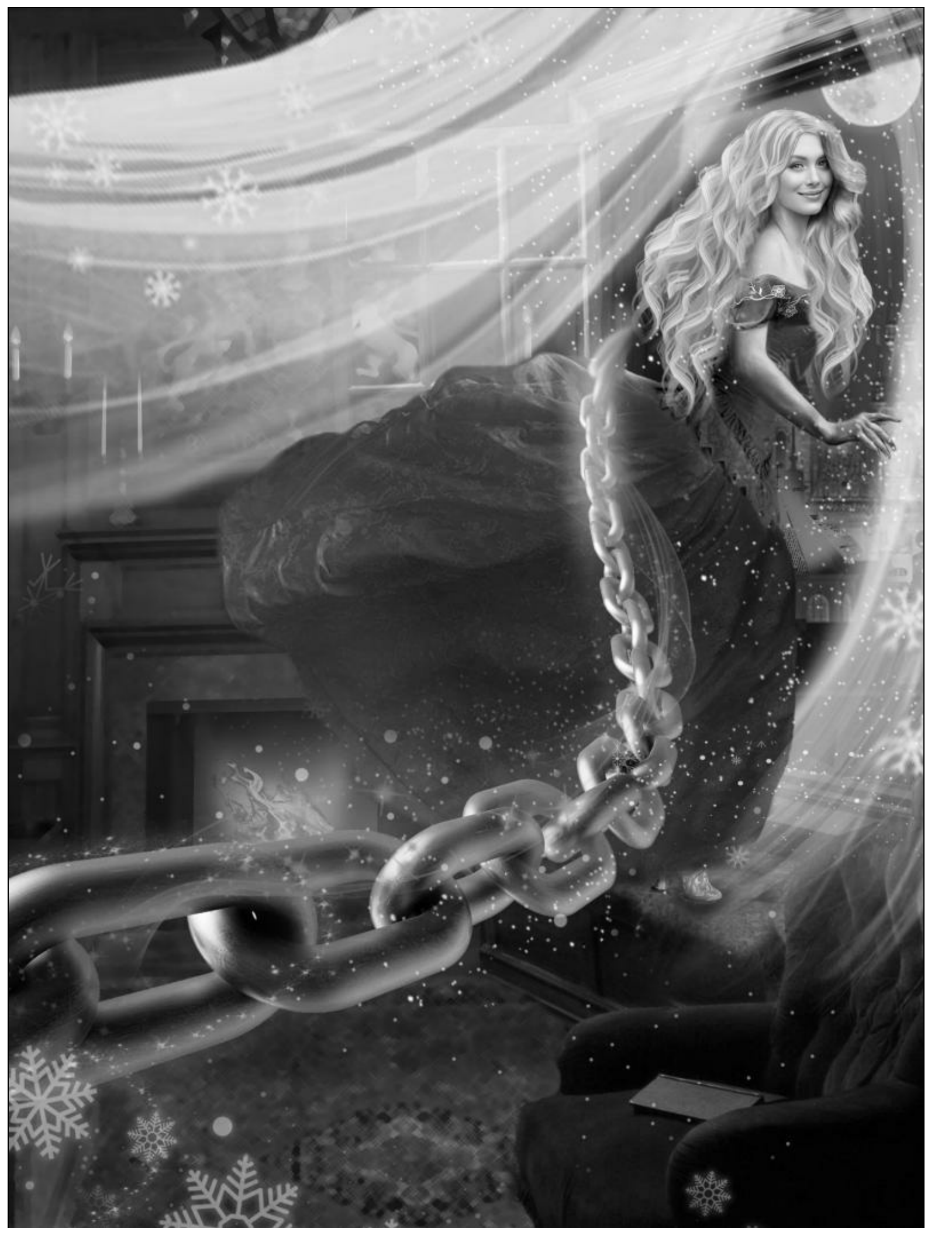
Судя по тому, как поморщился этот белый северный лис, с патетикой я перестаралась. Трагизму переложила. Сильно так. Как моя сестричка Брукс, у которой был удивительный дар превращения. Нет, не свинца в золото. Увы. А простых безобидных заклинаний в очередной конец света под лозунгом: «Спасайся, кто может!» А все оттого, что она тоже перекладывала. Правда, не эмоциональной возвышенности в прощальные речи, а сил в свои плетения. Так что... это у нас семейное – добавлять с избытком.

– Лэрисса, слезайте с подоконника, – процедил меж тем маг. – На улице холодно. Вы выстудите комнату.

Я про себя фыркнула. Какой, однако, неделикатный темный. Ни тебе «вы можете простудиться», ни «не стоит убивать себя»... Ему холодно, видишь ли. И все! Какой неженка. Подумаешь, на улице месяц санного первопутка. Не снежень же! С сугробами. Так, первый снежок всего лишь летит. Хлопьями. В лицо. Наотмашь. Но первый же!

Топот ног тех, кто, услышав призывы о помощи, ринулся спасти чью-то честь, сменился резким толчком в дверь. К слову, она была запечатана лично мной, чтобы компрометируемый стихийник не сбежал раньше времени. А то будущие женихи – они такие... Могут и удрать, если не уследишь. Прямо как кэльпи с привязи в половодье.

– Прощайте, развратник! – с этими словами я прыгнула вниз. И судя по тому, что в последний момент в мою сторону полетел ловчий аркан, темный все же не рассчитывал, что я решусь во всех этих кринолинах выпасть с четвертого этажа.

Причем, паразит, как точно его кинул – еле увернулась! Ну как увернулась... Он поймал меня за юбку. Основательно так. Пришлось полоснуть по парчовой ткани, которую подцепили удерживающие нити, режущим заклиниванием, чтобы отстал. Хотелось бы, конечно, по самому темному аркану, но он оказался до гадства прочным.

А потом я наконец-то рухнула на метлу, которая услужливо ждала меня, зависнув аккуратно чуть ниже окна. И неважно, что оседлала я ее задом наперед, вцепившись руками в прутья веника. Это не помешало мне молниеносно дать деру. Правда, за угол я завернуть бы не успела. Зато описать полумесяц вокруг раскрытой створки так, чтобы меня не увидели в оконный проем, и зависнуть уже между четвертым и пятым этажами – вполне.

Я даже умудрилась лицезреть светлую макушку этого северного лиса, когда он перегнулся через подоконник с половиной моей юбки в руках. Видимо, искал внизу мое распластанное на брусчатке тело. Увы, долго рассматривать ночную дворцовую площадь ему не дали.

Судя по звукам, дверь в комнату блюстителю девичьей чести все же выбили. На миг воцарилась тишина. Вязкая такая, предскандальная.

– Лэр Дроккрин, потрудитесь объяснить, что здесь произошло? И кто кричал? – Властный, чуть надтреснутый голос было отлично слышно за пределами комнаты. Мне, зависшей над окном и сверкающей на всю округу батистовыми панталонами, сидя задом наперед на метле, – так точно.

Увы, я лично не знала обладателя баритона, но в красках могла представить ввалившуюся в комнату толпу, в которой в обязательном порядке должен быть и глава семейства Викар. Того самого, старшую девицу из которого я почти пристроила, если бы не эта досадная путаница с кандидатом в мужья.

Но ведь следящий маячок, что я нацепила на стихийника, точно вел сюда. Нахмурилась, пытаюсь понять, где же я просчиталась...

Меж тем события в комнате набирали обороты. А я узнала кое-что новое о психологии темных. В частности, то, что неподготовленному приличному светлому магу после общения с сыном тьмы нужен будет либо лекарь душ, либо костоправ, либо баночка для яда, чтобы онный туда сседить. Это уж как повезет. В данном случае, судя по всему, мои спасители обойдутся всего лишь нервным тиком. Еще бы, так изощренно издеваться – это исключительно в духе темных.

– Кричал я, – невозмутимо, явно насмешничая, начал этот северный лис.

– Женским голосом? – справедливо усомнился кто-то.

– Не женским, а высоким. Просто увидел мышь. А я, знаете ли, грызунов не переношу с детства...

После этих его слов я убедилась: ну точно лис! Матерый такой.

– И поэтому вопили о поруганной чести? – ехидно осведомился кто-то другой.

– Да, мышь была большая, белая и о-о-о-очень наглая. Наверное, бешеная какая-нибудь. Сбежала из вивария на дворцовое приволье, – уверенно подтвердил темный.

Вот почему мне показалось, что заявил он это не для собравшегося в комнате кворума, а для одной конкретной меня? И почему этот тип так уверен, что я подслушиваю, а не удрала в далекую снежную лепню?

– Во дворце нет мышей! – возразил еще чей-то писклявый голос.

Я про себя хмыкнула: интересно, сколько же там зрителей собралось? Судя по голосам,

на инквизиторский костер и то меньше народу поучаствовать и поглазеть приходит. Вот уж не думала, что во дворце столько защитников нравственности. Правда, если учесть, что они же зачастую и любители пикантных скандалов, то...

– Вы уверены? – ироничным тоном некроманта, из серии «все как всегда: я, полночь, кладбище и трупы», уточнил темный. С намеком так уточнил: дескать, попробуйте доказать обратное, господа хорошие.

– Ну... может, и есть, – стушевался писклявый. – Но точно простые, не белобрысые! «Я тебе покажу белобрысую!» – подумалось зло. Между прочим, я пшенично-золотистая. Даже чуть с рыжинкой. А никакая не бледная белесая немочь!

– А почему у вас открыто окно? – заинтересовался тенор, и тут же подо мной на улицу высунулась чья-то лысая макушка. Почтенный лэр уставился вниз, видимо, ища женское тело.

– Чего вы там высматриваете? – напоказ заинтересовался темный.

– Ничего, – буркнул лысый лэр, хотя, судя по всему, честно хотел ответить «труп».

А затем створки закрылись, отрезав меня от весьма занимательной беседы. А жаль...

Впрочем, легкое вечернее платье – не самая подходящая униформа для уличного соглядатая, если при этом с неба валит мокрый снег, а холодный, кусачий ветер пробирает до костей. Так и замерзнуть недолго. А зачем мне эти шпионские производственные риски? Нет уж, я скромный почти водный маг, а не агент разведки. И мне мое здоровье еще пригодится. К тому же самое интересное уже подслушала.

Именно с такими мыслями я плавно тронула прутья метлы и облетела вокруг здания. Нашла симпатичный балкончик, на который и приземлилась. Спешившись с метлы, оправила юбки (точнее, то, что от них осталось) и аккуратно прислонила свою летунью к стене. А затем внимательнейшим образом присмотрелась к прозрачному пологу, отделявшему комнату от, собственно, балкона. К слову, последний был не только изыском архитектуры, но и, судя по всему, взлетной площадкой для драконов, да и для магов вроде меня, предпочитающих метлы летным лодкам и парящим паланкинам.

Уверенно сделала несколько шагов и... вписалась лбом в преграду. Да чтоб тебя! Понаставили тут защиты от честных авантюристок. Потерла лоб, разглядывая пленку, переливавшуюся в свете лун, как бок мыльного пузыря. Похоже, пройти через преграду вонне мог любой, а вот войти в комнату...

Но, как говорится, в жизни нет непреодолимых преград, есть те, у кого мало упорства для того, чтобы пробить тоннели. А упертос... пardon, целеустремленности у меня было – хоть займы гномам давай.

Я отошла, размяла пальцы и приготовилась приобщиться к тонкому искусству взлома – наколдовала себе увесистый ломик. А что? Это отличное универсальное средство, которое не раз выручало меня.

Так при сдаче экзаменов, когда я вытянула билет по ликвидации малой болотной льерны, он оказался гораздо действеннее любых сложных плетений. Тогда эту тварь не брало ни одно из заклинаний седьмого порядка. А ломик – взял! Правда, спикировал он на тварюшку аккурат с небесной выси и проломил череп... Но сработал же! Хотя магистр Линк такого оригинального использования бытового заклинания в боевых целях не оценил и вклеил в ведомости «посредственно».

К тому же лом – замечательный аргумент в интеллектуальном диспуте с ночными татями... Убедительнее – только пульсар! Вот только боюсь, что если я шархну огненным

сгустком, то еще не факт, что рухнет именно преграда, а не я с балкончика. Отдача – она ведь разной бывает. Так что ломик. Однозначно.

Вот только сегодня он меня подвел: несколько ударов о преграду – и она вместо того, чтобы осыпаться крошкой, затвердела, став абсолютно непрозрачной. М-да... Охранные заклятия во дворце не чета запирающим чарам в захолустном трактире, с наскока не возьмешь. А на прием попасть все же нужно. И желательно – не с парадного входа. И не то чтобы меня смущало пройти второй раз во дворец мимо тех же швейцаров и церемониймейстера... Но велика вероятность, что с нынешним внешним видом меня могут попросту не пустить.

Остается черный вход или... Кто сказал, что наглость – второе счастье?! Врут без зазрения совести! Первое! Спустя несколько мгновений я вновь оседлала метелку и как ни в чем не бывало подлетела к запертому окну. Тому самому, из которого выпала. Заглянула, убедившись, что комнату покинула делегация светлых. Темный, тот самый, северный лис, как раз наклонился и достал из-под диванчика подол моего платья. Видимо, туда он закинул его перед тем, как была выломана дверь.

Я оценила его предусмотрительность. Сдается, не первый (и даже не сто первый!) раз он попал в щекотливую ситуацию, если так быстро умел замечать следы. Хотя... это же темный! Он наверняка уже родился с инструкцией в руках что-то вроде «Как свергнуть Темного Властелина незаметно для повитух», или «Как вернуть доверие лэриссы, если стрелял в нее из арбалета», или еще какой другой занятной и исключительно темной книжицей.

Да и какая мне в сущности разница? Я еще несколько мгновений понаблюдала за этим лисом, стоявшим ко мне в профиль. Высокий. Широкоплечий. Поджарый. Бронзовая кожа, волевой, упрямый подбородок, длинные волосы, среди которых было несколько мелких косичек, собранных в хвост. При взгляде на него на ум приходило лишь одно определение – опасный. Как клинок из иллирийской стали, что красив, пока покоится в ножнах. Но стоит его достать...

И именно это я и собралась сейчас сделать. Правда, фигурально. Мои костяшки коснулись стекла. Стук заставил темного обернуться.

Наши взгляды на миг встретились, и я увидела, как он нехорошо прищурился. В глубине его карих глаз вспыхнуло раздражение. А спустя несколько вдохов створки окна открылись и прозвучало ожидаемое:

– Опять вы? – и столько в его голосе было обещания всего и сразу. Всего – убийственного, и сразу – смертельного, так, чтобы навывлет. А мне хотелось наоборот – ничего и по капле.

– Да, я, – попыталась придать тону невинность в духе: ну подумаешь, сущий пустяк случился. С каждой девушкой такое может произойти. – Понимаете, я передумала и решила вернуться.

– Передумали умирать и, игнорируя законы логики, а заодно и тяготения, вернулись с половины полета? – иронично уточнил этот лис.

– Ну да... – выдала я фразу, после которой любой светлый сразу бы понял, что до этого разговора он ничего не понимал в жизни. Светлый. Не темный.

Этот же лис усмехнулся и, вторя мне, протянул:

– Ну да, ну да... – Он сделал паузу и светским тоном поинтересовался: – Лэрисса, белая в трехсотом колене, все же определено у вас триста первый предок был минимум из

сумеречных земель, но вероятнее всего – сразу из самых глубин Бездны. – И он так прошелся по моей фигуре взглядом, что мне сразу захотелось оглянуться, чтобы посмотреть за спиной, кто я есть на самом деле.

Поморщилась: и этот на гены намекает, гад. А это, между прочим, моя больная мозоль! Я скрипнула зубами и... залетела прямо в комнату. Спрыгнула на ковер и подошла к сыну Мрака. Надо же. А он еще выше, чем я предполагала: моя макушка была ему чуть выше плеча.

– Спасибо, что подержали, – с этими словами потянулась к куску своей юбки, которую все так же держал в руках этот северный лис.

– Держат девственниц на алтаре. И то в колодках, чтобы не сбежали, – столь мрачным тоном начал темный, что я, как истинная светлая, должна была бы испугаться, проникнуться или хотя бы упасть в обморок для приличия.

Увы. Я хоть и являлась дочерью зари, а не сумрака, но няня у меня была настоящая ведьма. А все потому, что в семействе Флейм на выданье росли аж семь девиц. Нет, не так. СЕМЬ ЮНЫХ МАГИЧЕК! Шустрых, сообразительных, любознательных, и каждая – с характером разрывного пульсара, и неважно, что по магии все (ну хорошо, почти все) водницы.

Надо ли говорить, что гувернантки и воспитательницы сбежали от нас, не дожидаясь выплаты месячного жалования. Прижилась в доме только одна старая ведьма, правда, она была слегка выжившей из ума... Может, это ее и спасло от нервного срыва, а моего отца – от разорения. Ибо она согласилась работать у нас за умеренную плату. Но поскольку никакого диплома и образования (кроме россыпи бородавок на подбородке) у нее не было, то на должность бонны ведьма Бо и не претендовала. Все ее звали нянюшкой. Соседи на это крутили пальцем у виска, называя отца психом, допустившим к родным деткам исчадь тьмы... Но, как оказалось, только истинная ведьма могла справиться с чудесными деточками – светлыми магами – и при этом выжить. Посему у меня к темным была невосприимчивость.

– Мы, чтобы не сбежали, тоже чернокнижников к столбу привязываем. А то сыны Мрака так и норовят удрать с инквизиторского костра. А дланники ведь о них, темных невежах, заботятся, согреть хотят, – с этими словами я дернула кусок парчи на себя. И даже вырвала. Почти весь.

В пальцах лиса остался жалкий клочок.

Приложила трофей к юбке, срастила ткань так, что прореха стала почти незаметной. Выпрямилась, поправила наряд и, щелкнув пальцами, совершила пасс рукой, отправив метлу обратно на улицу. Мало ли откуда еще придется падать. И все это время не покидало чувство, что этот лис меня изучает. Словно портной, который снимает мерку на саван.

Впрочем, под конец решила проявить вежливость.

– Лэр... – сделала паузу, давая ему возможность представиться.

– Дроккрин Стоун, темный экзорцист, Хозяин Бурь, – он произнес это буднично.

А я поняла: влипла. Меня угораздило нарваться не просто на темного, а на главу дипломатической миссии. Но я постаралась не подать виду и продолжила:

– Лэр Дроккрин, прошу прощения, вышла небольшая неувязка. Я вас перепутала с другим почтенным магом.

– За которого вы страстно желаете выйти замуж? Настолько, что не побоялись опорочить свою кристально чистую репутацию? – Мне стало обидно от прозвучавшей меж слов насмешки. Да что понимает этот темный в светлых браках! И в долгах, которых у нашей

семьи больше, чем мышей в овине.

– Ничего личного. Просто открылся брачный сезон. – Я пожала плечами и наконец покинула комнату.

Меня ждал неуловимый стихийник, Винор Нормирский. И теперь он точно не ускользнет от брака!

Но, как выяснилось спустя несколько ударов колокола, будущий счастливый супруг девицы Викар был неуловим. За это время я успела облазить дворец вдоль и поперек, изрядно выбесить стражу, уже начавшую сверлить мне лопатки подозрительными взглядами, и даже организовать пару дамских истерик и один мужской обморок.

В последнем случае у лэра оказалась слишком тонкая душевная организация. С такой не по темным углам замужних красавиц зажимать, а валериану пить. Литрами. Настоянную на чистейшем гномьем самогоне. Впрочем, в том аптекарском рецепте корни лекарственного растения были не обязательным компонентом. Главное, чтобы первач был крепким и чистым, как слеза невинного дракона.

В общем, обморочному придворному нужно было что-то сделать со своими нервами. Пока же он сделал лишь неудобство своей возлюбленной, свалившись на нее кулем со словами: «Ваш муж нашел нас и убьет...»

Она охнула, зашипев от свалившегося на нее бессознательного «счастья». Я же поспешила ретироваться со словами:

– Извините, обозналась. Это не мой супруг. Продолжайте разврат. – И задернула портьеру алькова.

М-да... эффектененько я своим появлением сразила горе-любовника, прямо наповал. Жаль, что не на пол.

Меж тем возня за занавесью стихла. Зато послышался глухой удар, какой бывает, когда неспелая тыква встречается с камнями мостовой. Видимо, лэрисса не вынесла размеров «подарка судьбы» и решила его попросту с себя скинуть. «А теперь и на пол», – успела я подумать перед тем, как ткань портьеры приоткрылась и рядом со мной очутилась та самая лэрисса, которая еще недавно была страстно целуемой слабонервным смазливый аристократом.

– Какие любовники нервные пошли, – посетовала как ни в чем не бывало красotka, оправляя рукав. – На балу они хотят. В темноте алькова – могут. Но стоит только приготовиться получать удовольствие, как демон их дергает спросить о том, кто мой супруг! А едва узнают, тут же пытаются удрать либо резко вспоминают о своем целибате, обете верности или о том, что стали евнухами еще в отрочестве или должны вот-вот принять постриг в монастыре...

– Женском? – уточнила я.

– Если бы! Лишь этот оказался достаточно смелым, – кивок на портьеру, – чтобы продолжить. Я уже обрадовалась и... опять мимо... – печально вздохнула лэрисса и деловито, я бы даже сказала, целеустремленно, добавила: – Такими темпами я мужу до утра не изменю.

– А обязательно надо? – посочувствовала я.

Вот ведь, оказывается, не одна я такая... с невыполненным планом на вечер. Во дворце сегодня был грандиозный прием в честь посольства из Темных земель. Дипломаты обсуждали политику, торговцы первой гильдии – договоры. Девушки стирали тифельки, кружа в танцах. Кокетки флиртовали. Кавалеры ждали своей очереди из бальной книжки.

Интриганы подстраивали козни. А кто-то вот пытался организовать свадьбу или, в случае моей собеседницы, рога супругу. Но, судя по ее везению, то ли кальция в организме ее мужа было мало, что они отказывались расти, то ли власти, положения и авторитета слишком много.

– Из принципа! Если он не хочет быть мне мужем и спутником, я найду и без него, кому отдать супружеский долг! – фыркнула она. – Мой благоверный оставил меня в разгар вечера одну, заявив, что сегодня отличная ночь для полетов.

– Он дракон? – Я нахмурилась, начиная понимать, почему несостоявшийся любовник превентивно грохнулся в обморок.

– Да. И, как все крылатые ящерицы, азартен. Игрок, одним словом. И его страсть – ставки. А сегодня как раз должна быть какая-то важная гонка на метлах. В общем, муж променял меня на неких Шторма и Крюка.

– Шторма? – недоверчиво переспросила я, кажется, начиная догадываться, куда исчез стихийник. Потому что именно таковым, шквальным, было прозвище Винора Нормирского меж его друзей.

Сегодня же была такая ночь, когда в совпадения верилось слабо. Настолько слабо, что совсем нет.

– Так, мне нужен адрес этого залета... – засучивая рукава, начала я.

– Тоже ставку сделать? – неприязненно скривилась аристократка, видимо, приняв меня за одержимую азартом.

– Нет. Намылить кое-кому шею, устроить головомойку, промыть мозги... В общем, организовать банный день! Точнее, ночь. Но по высшему классу, чтоб один гад запарился и на всю жизнь запомнил...

«Как от оплаченного в складчину семейного счастья удирать», – добавила я про себя. Красотка же, видимо, уловила в моей фразе что-то глубоко личное, потому как с готовностью отозвалась:

– Старт у «Мокрой иглы» в полночь.

– Спасибо! – крикнула, уже разворачиваясь на каблуках.

Надо ли говорить, что у башни погодников, над которой вечно висели то дождевые, то снежные тучи, я оказалась не просто быстро, а очень быстро. Но как я ни спешила, гонка уже успела начаться. И не только начаться, но и близилась к завершению. Среди шпилей зданий даже успели показаться две фигуры, подсвеченные магическим сиянием.

Толпа, в которой были и богатеи во фраках, и беднота из рабочих кварталов, бурлила. Слышались выкрики, делались последние ставки. Холодный осенний воздух звенел от напряжения. Было жарко от азарта, который бурлил в крови болельщиков.

– Шторм! Мать твою за ногу! Жми давай!

– Едрит тебя через плечо, Коготь, ты маг или баба на сносях, – орала рядом со мной... какая-то, собственно, глубоко беременная особа в картузе с обломанным козырьком, грозя небу кулаком.

А там, среди снега и туч, на нас неслись двое летунов. Причем неслись, не думая тормозить. Они шли вровень. Буквально черен в черен. Два психа. Один – рыжий, второй – темный. И для каждого из них победить было важнее, чем не убится. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось. Когда оба эти... придурк... альтернативно одаренных мага ушли в крутое пике и лишь у самой брусчатки, задрав черены метел так, что древки затрещали, выровнялись.

Гонщики выправили метлы в каких-то паре локтей от мостовой, не иначе как чудом не превратившись в два настолько отбитых трупа, что даже некроманты были бы бессильны. Хотя они и без удара об землю были отбитыми. Правда, на голову. Летать по ночной столице. Да не над кварталом лебеды или ситным, где больше все же общественные лодки в небе, а паланкинов и метел мало, а почти в центре Йоноля, где врезаться на лету – запросто... И куда только каратели смотрят?...

Судя по всему, маги правопорядка именно на этих двух и взирали. И как только гонщики приземлились, дали о себе знать. Шторм не успел даже насладиться победой, как толпа, заслышав звуки усиленного чарами голоса, повелевшего «оставаться на своих местах», тут же поступила в корне наоборот – пришла в усиленное движение. Ну прямо как тараканы, завидевшие карающий тапок правосудия. Я свою метлу в людскую гущу не потащила. О чем теперь жалела. Не хотелось бы посылать с почтовым воробьем записку отцу или сестрам в духе: «Заберите меня, пожалуйста, из гостей, а то я тут засиделась...». И далее – указание адреса отдела.

И тут я увидела рыжую макушку стихийника. Это судьба!

Я протолкнулась к нему в тот момент, когда он уже готов был рвануть ввысь на своей метле. Я, не медля, в последний миг запрыгнула ему сзади, отчего черен, уже зависший в воздухе, чуть нырнул вниз.

– Какого... – начал было Шторм и оглянулся через плечо. Увидев мое лицо, он оборвал сам себя восклицанием: – Ты? Опять?! – И столько возмущения, будто не девушка его за плечи обняла (ну хорошо, вцепилась – дракон зубами не оттащит), а заклятый кровник.

– Я, не я... Что ты вопишь, как выдернутая из земли мандрагора? Ходу давай! – с этими словами мои ногти вонзились в его плечи, так что матюги в адрес одной наглой беспардонной особы, которая маниакально преследует его больше полугода, были вполне обоснованы.

Я тоже зашипела. Только от возмущения. Девуцы Викар при заключении сделки и словом не обмолвились об этом нюансе. Ну получают они у меня неустойку!!!

Меж тем метла взмыла в небо, унося нас от законников. А я кровожадно подумала: все, попался. Теперь я просто уверена, что стихийник скинул мою метку на того темного нарочно. А вот сейчас он может сбросить и саму меня. Целиком. Вместе с собой.

Но я не малахольная девица Викар, которая за полгода не могла его довести до алтаря! Я вон за одну ночь его довела. Правда, пока до бешенства. Но, как говорится, все впереди!

И уж если я взялась за дело, то непременно завершу начатое. А уж каким будет тот конец: брачным или заупокойным – это уж как получится.

– Викар, а ты знаешь правило ночных гонщиков? – со злорадством крикнул стихийник. И его слова хлестнули не хуже ударов стылого осеннего ветра.

– Какое? – задала я вопрос самым наивным тоном, на который была способна в условиях погони. Ибо об этих самых негласных правилах как раз знала. И даже больше: я на них рассчитывала.

– Если девушка села на метлу гонщика, значит, она готова провести с ним ночь любви, – просветил меня этот стихийник.

Я про себя даже оценила деликатность его формулировок. Сестричка Эмма выразилась в свое время гораздо лаконичнее: села – дала. Но было и второе правило...

Оно гласило: уронил – женился. А что? Испортил девушку, поломал ей руки и ноги, теперь она будет ломать тебе психику. Все по-честному. Конечно, имелась вероятность, что

если я камнем ухну вниз, то рыжий сделает вид, что он тут ни при чем. Девушка так, сама, на встречу с мостовой спешила мимо него. Но тогда ему другие гонщики руки при встрече не подадут.

Я приготовилась сигануть, но... Как оказалось, рыжий, несмотря на свой лихой стиль полета, маг очень осторожный. Прямо как ежик в процессе размножения, которому и хочется, и колется. Потому как ночи любви Винору хотелось, а вот быть женатым – совсем нет.

Именно поэтому я оказалась намертво сцеплена с рыжим удерживающим заклинанием. Да чтоб его! Что за ночь сегодня такая: то темный норовит арканом поймать, то теперь этот самоубиться не дает. Ну никаких условий для работы, честное интриганское!

Но все же я бы была не я, если бы не смогла ослабить плетение. Для этого, правда, пришлось отвлечь рыжего, слегка подпалив хвост метлы. Ну как слегка... Факел вышел знатный. И горел он в небе – далеко видно... Зато это оказалась самая буквальная из возможных иллюстраций ситуации о горящей пятой точке. Нам на след тут же прицепились дознаватели, от которых мы было отстали.

Мы как раз пролетали над крышами домов, впереди маячил шпиль ратуши, а почти пустая общественная лодка, видимо, закончив свой маршрут, плыла в небе над улицей. В нее я-то прицельно и прыгнула. А во время полета еще и проорала что есть мочи:

– Урони-и-и-л! – чтобы, значит, сомнений не осталось, кто виноват.

Правда, сегодня не по плану шло абсолютно все. Потому как кормщик небесного тихохода, завидев летящую на него девицу, то ли решил, что безбилетные пассажирки ему даром не нужны, то ли испугался. Но, так или иначе, сбавил и так небольшую скорость, почти затормозив.

Отчего я едва не разминулась с его лодкой. Повезло, что юбка у меня была пышная. Она-то и нанизалась на острый край кия, напоминавший небольшой шип. В общем, оказалась в подвешенном положении.

– Никак помирать собралась, девка? – Всплеснул руками седой старичок, и я поняла: он просто растерялся. Не каждую ночь ему на голову молодые девицы с неба падают.

– Нет, мне умирать некогда, я замуж почти выхожу, – выдохнула я, болтая в воздухе ногами.

– Да... – достав изо рта трубку, ошарашенно протянул дедок, второй ладонью огладив белую короткую бородку, и добавил: – Вот всегда знал, что мужья женам жить мешают, но чтобы настолько... – гнул свою линию дедок, все еще полагая, и не без оснований, что несчастный случай тут и рядом не валялся.

Впрочем, на свою лодку он меня затащил. Аккурат перед тем, как над головами пронеслись дознаватели, не обратив особого внимания: летит себе пассажирская лодка и летит, правил не нарушает.

Мы же проводили погоню долгим взглядом. Рыжий, уже сбивший пламя, сейчас пытался сбить со следа законников, уносясь прочь из Йоноля на север.

– Господин... – Я обернулась к кормчему, чтобы узнать его имя, и увидела, как он схватился за грудь. – Вам плохо.

– Не-не, все хорошо, – замахал он на меня трубкой, зажатой в ладони. – Пару мгновений подожди. Я только с сердечным приступом договорюсь, чтоб пришел попозже. Он мой старинный знакомый, не первый раз видимся...

Я, не слушая возражений, помогла кормчему сесть удобнее. Сплела заклинание из курса

первичной лекарской помощи и... пока пыталась подсобить своему спасителю, не заметила, как рыжий, скинув с хвоста погоню, прилетел обратно, зависнув рядом с краем лодки.

– А ты неплохо летаешь, Викар, – процедил он, оценивающе пройдясь по моей фигуре взглядом.

Маг не добавил «вниз», но его глазам я поняла, что хотел. Причем очень. Даже закралось подозрение, что он вернулся, чтобы убедиться в том, что надоедливая девица мертва. Но тут случилась неприятность в лице живой и почти невредимой меня.

– Спасибо, сама в шоке от своей живучести, – не удержалась я.

– Я думал, ты пустышка, которая только и умеет, что назойливо кружить вокруг. А у тебя, оказывается, есть и характер, и бесстрашие, и удивительная дерзость...

Комплимент был отчасти грубым, но зато предельно честным и... целиком моим. Потому как Викар действительно показалась мне такой, как сказал рыжий: недалекой и вбившей в голову, что именно этот лэр должен стать ее супругом.

– Ну что, живучая, – гонщик нахмурился, как штормовое море, и, сняв с пальца родовой перстень, протянул его мне со словами: – Я обязан это сказать той, которую уронил, таков негласный закон ночных гонщиков: выйдешь за меня замуж?

Я облегченно выдохнула, услышав заветную фразу. Именно она уничтожила клятву обязательства. Все, я была свободна от заказа девицы Викар. Груз, подспудно давивший, сжимавший в тиски левую руку чуть выше локтя, исчезал, развеиваясь пылью. Метка, незримая для окружающих, но такая явственная для меня. Я была от нее свободна. А не выполни заказа – лишилась бы руки. Весьма ценного органа для мага, привыкшего кастовать заклинания.

– Прямо сейчас из лодки выйти? – уточнила ехидно и затем выразительно посмотрела вниз. До мостовой было лететь и лететь. Не то что один – раз пять шею сломать были все шансы.

И пока рыжий проследил за моим взглядом, проворно цапнула предложенное кольцо. Надо отдать гонщику должное: не стал пасовать, пытаться отнекиваться или пользоваться тем, что я могу не знать о законах ночных гонщиков. Хотя... может, мага, как и меня, связывала клятва?

– В принципе, меня устроит и такой вариант, – правильно поняв мой намек, отозвался рыжий. – Я даже поношу по тебе траур... Мысленно.

– Даже не надейся. Мне дарили борщевик, кормили мухоморами, как-то раз презентовали гадюку в шкатулке вместо ожерелья... Но, как ты видишь, я все еще жива, – лучезарно улыбаясь, поведала рыжему чистую правду.

– Это все делали твои поклонники? – опасно уточнил маг, видимо поняв, что опрометчиво выбрал себе в жены не только отважную девушку, но и слишком изворотливую. С такой о вдовстве даже не помечтать.

– Ха! – усмехнулась я. – Сестры!

Правда, не сказала, что о гадюке я просила в десять лет сама – она мне нужна была для одного ритуала. Сушеная. Но зачем уточнять и портить такое хорошее впечатление о новоявленной невесте? Да-да, каждая уважающая себя юная ведьма на тринадцатилетние просто обязана получить букет из волчегодника или борщевика. Мы хоть и не были дочерьми Мрака, но няня каждой из нас такой подарила!

– Миленькая у тебя семья, – сглотнув, севшим голосом произнес рыжий и добавил: – Для темных.

Видимо, этого психа не пугала перспектива разбиться на гонках с длиннющей трассой и крутом пике на финише, зато заставила занервничать короткая дорожка. Всего-то в пару дюжин шагов. От двери храма до алтаря. А ведь на ней даже споткнуться – еще постараться надо...

– Я светлая. Исключительно! И семья у меня нормальная! – рявкнула я, мстительно надев родовое кольцо Нормиров на палец.

Хотела сказать, что у меня семья вообще образцовая, с учетом няни-ведьмы. Просто мы с сестрами очень способные воспитанницы. Но не успела. Камень на украшении полыхнул алым, и перстень плотно обхватил фалангу.

Я взвыла! Кольцо было из древних, обручальных-неснимаемых! Я слышала о таких. Оно покидало палец девушки лишь в трех случаях: в храме, когда она выходила замуж и супруг вместо него надевал на уже жену свадебное, когда перст отрезался или носившая его девушка умирала.

Надо ли говорить, что ни один из трех вариантов меня не устраивал.

– Что за... – гневно воскликнула я, а на моей раскрытой ладони уже закручивался огненный смерч.

– Хочу быть уверенным, что к алтарю придет та самая девушка, которую я уронил, лэрисса Диксари Флейм.

Я похолодела. Он назвал мое настоящее имя.

В первый миг я оцепенела. Испугалась. Во второй – прикинула, во сколько золотых монет мне обойдется проваленный заказ, и испугалась еще сильнее. А в третий... Схватила мага за грудки и притянула к себе. Благо и лодка, и метла рыжего, зависшие в воздухе, позволили это сделать без особых усилий.

– Как узнал? – спросила я его тоном, который скорее бы подошел для фразы в духе: «Сколько голов врагов помещается на одном щите?» или «Как вы справляетесь со стрессом, например, топором в вашем черепе?» Ну, в общем, типичным тоном на собеседовании у сурового северного ярла, набирающего себе в дружину новых воинов.

Наши лица с рыжим были близко. Очень. Еще немного, и носы столкнулись бы. Я была дико зла на этого наглеца, который таки переиграл меня.

– От Викар, – прозвучал убийственный ответ, от которого мой глаз нервно дернулся.

– Что-о-о? – опешила я, машинально отпустив куртку гонщика.

– Сегодня. В самом начале бала. Мы с ней столкнулись, и... Я попытался отделаться от нее и в ответ получил весьма грозное и эмоциональное напутствие, что от профессиональной невесты я не уйду... – с охотой просветил меня маг.

Я скрежетала зубами, слушая рассказ Винора о том, как эта... эта... идиотка психованная... в сердцах пригрозила рыжему моим именем, выложив ему все! А ей-то и надо было всего лишь показаться на балу, засвидетельствовав свое почтение дюжине знакомых, засветиться и исчезнуть. А она... Мало того что вцепилась в рыжего почище упыря. Вампира хоть святой водой окатить или кольями отвадить можно. А эта беспутная... Так еще и язык хуже, чем нянино, ведьминское, помело. Так испортить собственное семейное счастье – это талант!

– Значит, мстил? – уточнила я и по взгляду рыжего без слов поняла: да!

– Я, знаешь ли, не люблю, когда меня пытаются оставить в дураках и навязать чужую волю. Особенно если последняя – недалекой девицы... Но раз уж так получилось, что я тебя уронил и тем самым стал заложником собственной клятвы, предпочту, чтобы мне достался в

жены достойный противник, а не набитая дура. Так что жду тебя завтра к двенадцатому удару колокола в храме Лонга, – с этими словами он чуть отлетел от края лодки.

Я уже было хотела выкрикнуть, что он скорее дождетя, что суккуба даст обет целомудрия, чем я пойду с ним к алтарю, как этот гад, развернувшись на метле, выкрикнул:

– А мое кольцо не даст тебе опоздать. Так что если не хочешь остаться не только без руки, но и без дара – ты придешь, Ди! – он фамильярно сократил мое имя, отчего я заскрежетала зубами.

Не удержалась. В рыжего полетел пульсар. Но этот конопатый паразит виртуозно от него увернулся. А я тут же почувствовала легкое жжение на пальце и призадумалась: интересно, а если умирает жених, невозвратное кольцо можно будет снять? И как быстро можно подать на развод после свадьбы? Пара мгновений для храмовника будет достаточным сроком, чтобы понять: молодожены не сошлись характерами и можно с чистой совестью расторгнуть их брак?

Оба варианта имели как свои плюсы, так и минусы. В первом случае проблема решалась бы быстро, кардинально, но тяжело совместимо с законами империи. Во втором – не факт, что получится.

– Так, значит, правды-ть замуж собралась выходить... – просторечно протянул кормщик, который весь наш с рыжим разговор просидел тише трупа. А судя по любопытному и живому взгляду дедули, он не только сумел договориться с сердечным приступом, но тот остался ему еще и должен.

– Сплюньте! – отмахнулась я. – Нет, не выходить, а так, одним глазком через порог глянуть! И вообще, это «замуж» исключительно по делу ввиду стечения обстоятельств. – И, спеша сменить щекотливую тему, я спросила: – А вы меня не подбросите до Мокрой Иглы? Я там свою метлу оставила.

– Отчего же не подбросить? – тут же оживился кормщик. – За серебрушку – домчу.

– А может, сделаете скидку? – с надеждой спросила я.

Дедок отчего-то глянул вниз. словно я ему предложила скидку через борт лодки на мостовую, а не сбавить цену.

К тому же серебр платили за месяц постоя в комнате на окраине столицы. А тут ушлый дедок требовал такую плату за пару кварталов полета. А еще – и это главное – у меня с собой не было столько денег. Только пяток медек.

– Вы должны войти в положение бедной несчастной женщины после развода... – протянула я, не уточняя, кто из нас с рыжим кого и на что будет разводить.

– Так ты еще замуж не вышла, – вскинул брови кормчий.

– Вот завтра выйду и сразу разведусь! – пообещала я тоном «не мешайте мне мечтать».

Торговались мы с ним вдохновенно и со вкусом. Я даже согрелась в своем легком плаще. Сошлись на трех медьках, двух воззваниях богов в свидетели жадности одной девице и подозрительном уточнении: не ведьма ли я?

Зато дома я очутилась ко второму удару колокола. Злая, голодная и горящая желанием придушить одну болтливую лэриссу.

Свадьба – это всегда весело. При условии, что она не твоя. Эту истину я поняла давно. Но никогда не думала, что накануне собственного похода под венец буду прикидывать, как расторгнуть помолвку, чтобы при этом потери сторон ограничились минимальным количеством трупов. А все оттого, что кольцо, зараза, сниматься с пальца категорически не желало. Мало того, оно потихоньку начало отнимать мою силу, вбирая ее в себя.

На рассвете в окно постучала почтовая сойка. Она принесла письмо, зажатое в клюве. Буквы в послании были выведены с таким количеством завитушек, что через их заросли до слов, а тем паче до смысла написанного, добраться оказалось нелегко. Не без усилий продравшись через вензеля литер, я поняла: девица Викар требует подать ей жениха. Дескать, деньги уплачены, и ее семейство ждет результата.

Как я ни была занята стягиванием с руки украшения, все же потратила четверть удара колокола, чтобы в кратких и емких выражениях объяснить заказчице, что она сама нарушила наш договор. Точнее, пункт о неразглашении. Так что деньги я не верну. Жениха – тоже не верну. Из принципа. Хотя последний мне и даром был не нужен. Даже за доплату.

Запечатала письмо и отправила его с птицей. А сама решила поспать хотя бы пару ударов колокола. А то ночь выдалась бурной. А предстоящий день обещал быть не менее насыщенным.

В том, что ко мне поутру примчится Анита Викар, я не сомневалась. Но до рассвета еще было время. Стоило отдохнуть перед скандалом. Ах да, еще убрать из гостиной вазы и вообще бьющиеся предметы. Ибо истерика истерикой, а ценности нужно беречь. Особенно если нервы – чужие, а вазы – твои.

К тому же с учетом того, что все более-менее дорогие вещи в нашем доме были трижды перезаложены, их тем более стоило беречь.

Вот так... Кому-то по наследству достаются деньги, титул, земли. А моей маме достались от отца-кутилы в приданое долги. Моя бабушка рассчитывала, что сумеет обменять по выгодному курсу красоту единственной дочери и ее имя на деньги богатого жениха, но увы. Линда Флейм матушку разочаровала, влюбившись в голодранца-водника. И эта взаимная любовь принесла плоды. Бабулю, когда она об этом узнала, тогда едва удар не хватил.

Но она скрепя сердце все же дала согласие на брак. Не знаю, что сыграло решающую роль: седьмой месяц беременности, угроза дочери, что она отречется от рода, или то, что ее избранник все же водник. А бабуля была буквально помешана на чистоте не только крови, но и стихийной магии. Она жутко гордилась тем, что в роду уже триста лет как рождались исключительно чародеи и чародейки с даром управления водной стихией.

Правда, дала согласие при условии, что жених возьмет родовую фамилию супруги. А вместе с ней – и обязательства по выплате закладных уже почившего тестя. Другой, более осмотрительный жених, на месте Эштона дрогнул бы: долговая кабала при невыплате грозила по меньшей мере арестом. Но папа был безумно влюблен в маму. Это все и решило. Эштон Курт принял управление родом Флейм. Семейство же, обретшее главу, год от года все пополнялось новыми юными магичками, с которыми не могла справиться ни одна бонна.

В общем, в нашем доме о том, что такое тишина, знали лишь по легендам и преданиям. Мама мечтала о паре мгновений спокойствия. А папа... папа желал порою сойти с ума.

Особенно когда речь заходила о приданом, которого у нашего отца для семи дочерей не было. А вот амбиции у тещи, обедневшей аристократки, были. И очень даже. Она жаждала видеть внучек замужем минимум за высшими драконами. Раз уж дочь за одного из них выдать не удалось. И по этому поводу пилила своего зятя, моего папу, регулярно, как по расписанию, и вдохновенно.

Именно в один из таких вечеров, когда наша семья сидела в гостиной, а бабушка занималась дегустацией, в смысле очередной раз ела плешь отцу, на каминную полку упала Эйта. Не узнать эту белку было трудно. И что самое примечательное, увидело ее все наше семейство, подтвердив: большая семья – это всегда маленькое безумие.

– Родимая! – с таким криком папа радостно ринулся ей навстречу, чем изрядно удивил пушистую.

Она даже фыркнула в усы: «Псих!» – и исчезла. Видимо, попала в наш дом случайно и куда-то спешила. Впрочем, потом я пару раз видела ее у нас. Даже как-то пыталась поймать за рыжий хвост. Правда, мне тогда не исполнилось и десяти лет...

Я была самой младшей из сестер и... бракованной. Впрочем, этого моего маленького недостатка никто, кроме бабули, не замечал.

Погруженная в свои мысли и воспоминания, я и прибиралась в гостиной, готовя ее к урагану по имени Анита Викар. И, наведя порядок, с чистой совестью отправилась спать.

А вот утро началось с того, что в мою спальню вихрем влетела Рей с криком:

– Просыпайся, Ди! Там по твою душу пришли!

– Если убивать, пусть немножко подождут. Передай, что я облачаюсь в свой парадный саван.

– Какой убивать. Наоборот! – фыркнула Рей, мотнув черными как смоль волосами, и скрестила руки на груди.

– Воскрешать? – мне удалось-таки совершить открытие века. Второе веко открываться ни в какую не желало.

– Просить твоей руки! – пыталась втолковать мне сестра.

Я глянула одним глазом на ладонь. Там на пальце красовалось злополучное кольцо.

– Обычно заклятые враги в качестве дани хотят получить голову противника или минимум вырванное сердце, а не конечность, хотя в моем случае... – сонно пробормотала я.

– Какие враги и отрубленные головы? Я говорю: темный пришел у отца просить тебя в жены! – Рей возмущенно фыркнула и сморщила свой прямой аристократический носик.

– Темный? А как же Викар и скандал? – ошарашенно произнесла я, окончательно просыпаясь. Что это вообще такое? С этой ненормальной заказчицей даже истерика по расписанию и та превращается в Бездна знает что. Точнее, кого.

– Не ведаю, кто такой Викар, но скандал сейчас быстренько организуется. Отец уже переходит на крик. Слышишь? – Она подняла указательный палец, призывая к тишине.

Я обратилась в слух и различила:

– Да что ты, выкидыш Мрака, о себе возомнил! Моя дочь не продается!

Обычно поутру мне нужно было четверть удара колокола на бодрящий кофейный напиток и ровно удар колокола на осознание реальности. Но сегодня я восстала из кровати, аки вампир из гроба: быстро, бесшумно и с жаждой убивать. Прямо как наглядная иллюстрация поговорки: не буди, да и не послан будешь...

А указать маршрут тому психу, который пришел по мою душу к отцу, я была готова, и с большой радостью. Вот только выясню сейчас имя этого ненормального и направлю. Я

настолько преисполнилась решимости, что ринулась из комнаты, в чем спала: в короткой ночной сорочке.

– Куда?! – Отловила меня за подол Рей и добавила: – Не в таком же виде! Там речь о замужестве идет, а не о первой брачной ночи.

Я в сердцах сплюнула, натянула на себя халат, надела тапочки, правда, попала в левую домашнюю туфлю не с первого раза. Вынужденная задержка окончательно разозлила. Внутри меня разгоралось злость. Да кто такой вообще этот темный? И что он о себе возомнил?

Едва полы халата были запахнуты, а пояс – затянут, как мы с сестрой двумя безмолвными привидениями понеслись по коридору, чтобы у порога отцовского кабинета застать умильную картину: четыре моих сестры уже прильнули к дверям. Брукс заняла самый удобный наблюдательный пункт – у замочной скважины, посему ей не нужно было использовать следящих заклинаний и лицезреть картину в кабинете она могла со всеми удобствами. Правда, при этом ее поза напоминала вопросительную руну.

Светловолосая Эмма же, сидя на корточках, то и дело слюнявила палец, чтобы подновить свое «око» – простое подглядывающее заклинание, делавшее стену прозрачной. Но с учетом толщины двери хватало его ненадолго – всего на дюжину ударов сердца. Потом края начинали мутнеть и приходилось вновь браться за дело.

Уна, как самая умная из сестер, подошла к делу подслушивания и подглядывания по всем правилам шпионской науки. Она, встав в полный рост, начертила на двери, прямо над головой Эммы, матрицу, которая была в диаметре не больше ладони. И сейчас Уна напитывала ее силой. Еще немного – и можно будет все увидеть и услышать. Пока же символы лишь серебрились, змеясь на лакированном дубе.

– Ну давай, быстрее, – торопила сестренку Тора, подпрыгивая от нетерпения на одной ноге.

В отличие от Уны, То не любила обременять голову сложными расчетами и считала, что той есть куда лучшее применение: например, модные прически, шляпки... Да и вообще, красивой девушке быть умной не идет. А То была очень красивой.

– Не мешай, мелкая, – процедила сквозь зубы Уна, тряхнув темной челкой, которая была не сильно короче остальных волос.

– Я не мелкая! Ди младше меня! – из упрямства прошипела То, топнув босой пяткой и тут же зашипев. Видимо, ушиблась. – А ты не возись. Мне тоже интересно посмотреть на этого темного.

В общем, девицы рода Флейм, за исключением Мариты, все были в сборе. Но у Мари имелась уважительная причина: она единственная из нас семерых успела выйти замуж за одного из самых завидных женихов Йоноля, дракона династии Прахтов, причем по любви, и переехала уже в дом супруга.

Правда, после этого брака свахи стали обходить наш дом по широкой дуге, а молодые холостяки под любым предлогом отказываться от приглашений заглянуть в гости. Причем таланту и богатству фантазии при поиске отговорок можно было позавидовать. Одна лишь фраза лэра Улиха: «Через три дня я не смогу отужинать у вас, уезжаю на свои похороны» – чего только стоила. Правда, потом он пытался уверить, что оговорился: дескать, отбыл не на свое погребение, а на проводы в последний путь совы. Это была уникальная посыльная птица, служившая его роду две сотни лет... Но на повторное приглашение отужинать отчего-то ответил вежливым отказом. Хотя в сторону Торы глазом усиленно косил. Косил и боялся,

что, едва перешагнет порог дома Флеймов, тут же окажется глубоко и прочно женатым.

Когда же смотровое окошко Уны стало прозрачным, мы прильнули к нему. Даже Брукс, оставив свою замочную скважину. В кабинете уже не было слышно криков. Отец и его гость молча стояли друг напротив друга. Явно злые и недовольные. Папа, лицо которого мы могли видеть, – так точно. А вот тип, сумевший вывести лэра Флейма, человека удивительной выдержки и воли (а с семьей дочерьми по-другому и быть не могло), оказался стоящим к нам спиной. Знакомой такой спиной. Во всяком случае, снежную шевелюру, собранную в хвост, и тонкие косички, мелькавшие в оном, я узнала.

– Песец! – потрясенно выдохнула я.

– Какой? – не поняла Уна.

– Кто? – вторила ей Рей.

– Подвинься! Дай посмотреть, – это уже То попыталась отпихнуть бедром Брукс. Угу, проще было сдвинуть столб, чем выпускницу боевого факультета. А Брукс не только одной была, но и успела пройти практику в приграничье. Так что у То шансов не было. Зато упрямыства – хоть отбавляй.

– Засуньте свои деньги... – папа озвучил такой заковыристый маршрут, что даже матерые бестиологи поаплодировали бы ему стоя. – Мои дочери сами решат, с кем им идти к алтарю! – прогремел папа.

И именно в этот эпичный момент дверь, не выдержав натиска женского любопытства, раскрылась и шесть девиц рода Флейм рухнули на ковер кабинета. Ну точно товары на прилавок: выбирай любую. Ну или хватай ту, которую успеешь поймать.

Папа глянул на нас. И столько в его взоре было тепла и нежности, которые он хотел подарить своим дочерям, что мы поняли: огребем по полной!

– А меня все и не интересуют, – невозмутимо оглядев кучу малу из светлых чародеек, возразил темный. – Мне нужна одна. Вот эта. – Взгляд остановился на мне, и сын Мрака припечатал: – Она у вас самая живучая.

Я же, придавленная телами четырех сестер, подумала, что этот северный лис слишком высокого мнения о моей стойкости: сейчас я имела все шансы превратиться в шикарнейшую отбивную. И лишь потом до меня дошло, по каким критериям темный выбирал себе супругу.

– Что-о-о?! – хотела крикнуть возмущенно, но получилось придушенно, а потом попыталась выползти из-под сестер.

Это мне частично даже удалось. Под барахтающимися телами остались только мои ноги, а все, что выше поясицы, оказалось свободным от гнета. И я целеустремленно заработала локтями по направлению к полной свободе.

Папа, который молча наблюдал эту картину, сложил руки на груди и отстраненно констатировал:

– Вы моей дочери не понравились. Так что о свадьбе можете забыть, – обратившись к северному лису, изрек отец, знавший своих дочерей как облупленных. А потом мстительно добавил: – Скажу больше: Диксари на последнюю вашу фразу о живучести наверняка смертельно оскорбилась.

– Я не обиделась! – возмутилась, выбравшись наконец из сестринского плена и лежа на полу. – Просто ползу за топором.

Боевая секира, к слову, висела на стене, рядом с камином, в компании древнющего арбалета, что скорее развалится, чем выпустит хотя бы болт, и пары ножен, к которым отец в свое время приделал бутафорские крестовины. А что? Зато смотрятся солидно, особенно

если зритель не знает об отсутствии мечей.

На это мое признание темный лишь изогнул бровь. Видимо, не воспринял угрозу всерьез. А зря. Я встала. Отряхнула подол халата, плотнее запахнула его полы и попыталась нашарить ногой вторую, потерянную тапку. Увы, сделать это было не так просто. Она осталась то ли под Брукс, то ли под Торой – они вдвоем все еще возились на полу. Так что нужно было либо капитально отвлечься от процесса испепеления взглядом темного и пуститься на поиски обуви, либо стоять наполовину разутой.

Ни первый, ни второй вариант меня не устраивали, посему я постаралась тихо скинуть с ноги единственную тапку. Пусть уж лучше совсем босая. Так удобнее и удирать, и догонять. Это уж в зависимости от того, к чему приведет наш с темным разговор и чьи доводы в споре с темным окажутся более весомыми.

Я шагнула к северному лису со словами:

– Знаете, лэр, вы совсем не в моем вкусе... – попыталась намекнуть, что брак темному со мной не светит.

– Но вы меня даже не пробовали, чтоб так утверждать, – северный лис был непрошибаем.

– Это возмутительно! – вмешался папа. – Предлагать подобное моей дочери! Да при отце!

– Тогда можно мне поговорить с Диксари наедине? – невозмутимо парировал темный, подтверждая, что сыны Мрака способны извратить даже текст святого писания, превратив его в договор купли-продажи души демонам. Что уж говорить о смысле папиной фразы.

– Нельзя! – рявкнул папа, и в его руке тут же вспыхнул ледяной смерч. Да какой! Таким и демона уложить не грех.

А я поняла: в этих дипломатических переговорах последнее слово останется за папой. Впрочем, оно единственное и останется. Темного заклинание разорвет к Бездне, да и наш дом заодно. Первый раз в своей жизни я видела отца в таком бешенстве.

Сестры испуганными мышами замерли за моей спиной.

– Пап, давай я и вправду поговорю с ним наедине, – начала я спокойным тоном из серии «ваше внимание будет привлечено к ответственности» и добавила, дабы окончательно успокоить отца: – А потом ты поможешь мне спрятать труп.

Только сейчас папа осознал, что как истинный маг-стихийник погорячился. Воронка смерча начала нехотя втягиваться в его ладонь.

– Простите, ваша дочь точно светлая чародейка? – педантично уточнил Дрок, с подозрением глядя на меня.

– А вы точно незнакомы лично с Эйтой? – в точности скопировав тон этого темного психа, спросила я, подразумевая: нечего злить только-только успокоенного чародея с девятым уровнем дара.

И вот удивительно: при моих словах северный лис помрачнел. Словно я наступила на его любимую мозоль. Зато (о чудо!) сей незванный гость, который хуже тролля, наконец-то словил заклятие немоты. Ну или просто решил помолчать пару ударов сердца.

И в наступившей относительной тишине особенно отчетливо раздались удары дверной колотушки.

– Это еще кого принесло? – буркнула Рей, тут же сделала несколько шагов по направлению к окну и с любопытством перегнулась через подоконник.

– Какая-то чернявая девица, – удивленно произнесла она. – Первый раз ее вижу. Что она

у нас забыла?

– Скандал, – просветила я домашних. Ну и темного заодно. И в ответ на взгляды, полные немых вопросов, пояснила: – Это Вирмар. Она пришла за своим женихом.

– За ним, что ли? – не поняла Рей и совершенно неаристократично ткнула пальцем в северного лиса, который только что на своей шкуре убедился: заходить в дом Флеймов неженатому лэру опасно для холостяцкого здоровья. Причем шанса выбрать невесту могут и не дать.

– Если она согласится на замену, то буду рада, – задумчиво протянула я, прикидывая: а не попробовать ли и вправду подсунуть этой настырной девице темного?

Идея была настолько бредовой, что могла и сработать.

Могла бы... Но увы! Как говорится, бойся дракона спереди, единорога сзади, а темного – на расстоянии. Ибо он коварен со всех сторон.

Конкретно один сын Мрака – так точно. Он испортил мне такой хороший план еще на стадии задумки лишь одной фразой:

– Скорее «нет», чем «да», возможны варианты.

– Что? – не понял папа и нахмурился.

– Я вам даже еще ничего не предложила! – это уже я, возмущенно глядя на этого ушлого северного лиса.

– Вот, мы с вами подошли уже к вопросу предложения...

– Диксари, мое смертельное проклятие, к тебе гости, – с этими словами на пороге появилась нянюшка.

Она же – черная ведьма Бо собственной персоной. И, в отличие от традиционных бонн, наша не носила чепца, стога шуршащих юбок, тучных телес и надменной мины. Нет. Бо в свои сто двадцать лет, как истинный боевой маг, была всегда во всеоружии. Причем в самом прямом смысле этого слова: за голенищем ее высоких шнурованных сапог всегда была пара метательных дротиков, а карманы штанов хранили амулеты, в том числе и разрывные.

В общем, нам с сестрами досталась очень спортивная и подтянутая няня, способная организовать подвижные игры для юных лэрисс. Например, догонялки на свежем воздухе: восставшее кладбище в полночь – отличное место для салочек. Как заверяла слегка поседевших родителей Бо, дети после таких физических нагрузок спят крепче.

Бонна также заботилась о том, чтобы юные барышни знали иностранные языки. Чего только стоил похищенный гном, которого Бо приволокла из горного клана для нашей лингвистической практики. Троллий мы с сестрами выучили как-то незаметно сами, пополняя лексикон каждый раз, когда Бо запинаясь о порог, ударялась или просто с ней случалась иная досадная неприятность.

А еще мы познавали с нашей няней рукоделие. Хорошо помню урок на тему: как связать дракона. Согласно инструкции надо было стянуть морским узлом дракону лапы, потом заткнуть ему морду кляпом, а затем зафиксировать хвост, если ящер в крылатой ипостаси.

Но главным талантом няни было то, что она могла находить своих воспитанниц в любом месте дома, как бы тщательно мы ни прятались. Вот и сейчас Бо обнаружила меня моментально.

Вот только, узрев гостя в отцовском кабинете, она нахмурилась, сложила руки на груди, и даже ее короткий ёжик абсолютно седых волос, мне показалось, воинственно встопорщился.

– А этот хмырь что здесь делает? – У Бо были альтернативные представления об

этикетте.

– Конкретно сейчас этот хмырь начал понимать, – скопировав тон старой ведьмы, иронично произнес темный, – почему его будущая жена обладает столь уникальными навыками, которые позволили ей стать... – он на миг замолчал, словно подбирая слова, – столь клиентоориентированной свахой.

– Ди, ты опять ввязалась в организацию чьего-то брака?! – вскипел отец, уловивший из всего сказанного только одно: его младшенькая опять захотела убедиться в народной мудрости, согласно которой с деньгами не так хорошо, как без них плохо. И взялась-таки за то, что у нее довольно сносно получалось: дарить людям счастье, организовывать свадьбы, нести свет, радость и нервный тик в придачу.

Папа был в курсе того, чем я порою занималась. И был категорически против оного. Настолько, что мне пришлось его пару месяцев назад заверить, что я больше ни-ни. Ничегошеньки. Ни разочка.

И вот сейчас это «ничегошеньки» кипело гневом внизу. Послышался шум.

– Кажется, в гостиной кто-то сломал мебель. Скорее всего, старый стул, – отстраненно прокомментировала Эмма, у которой был отменный слух. Не музыкальный, но отменный. Она легко могла, встряхнув кошель, по звуку сказать не только сколько в кабзе монет, но и какие из них медные, серебряные или золотые.

Тут же последовал звон...

– А это уже зеркало... – вторила ему Эмма.

Грохот.

– О! До дивана дошла. – При этой фразе все уставилась на сестру, будто это она, а не Викар самолично перевернула старинную мебель, которая по весу могла посоперничать с могильной плитой. А для нерасторопных слабосильных грузчиков – и стать одной.

– Ну это уже слишком. – Я засучила рукава халата и решительно направилась вниз.

Портить мебель и нервы в доме Флеймов – это моя святая прерогатива и обязанность! А не каких-то пришлых истеричных девиц.

Застучала пятками по лестнице, сбегая вниз, и успела узреть то, как от души развлекалась лэрисса Викар. Проще говоря, истерила. И этот скандал целиком и полностью был посвящен мне. Вот так! Кому-то дарят сонеты, в чью-то честь совершают подвиги, а мне вот посвящают нервные срывы.

– Ты! – узрев меня, выпалила незваная гостья, обличающе ткнув в мою сторону перстом. – Отдавай жениха!

– Отдам. Вот только соображу, где взять, – успокаивающе махнула рукой в духе «дело-то житейское». И, пока девица осмысливала фразу, я тем же спокойным тоном перечислила, какие пункты договора Викар нарушила.

– Да как ты смеешь! – вскипела она. – Тебе заплатили, и ты обяза...

Она не договорила, запнувшись на полуслове, увидев на моем пальце родовой перстень Нормирских.

– Я тебя убью...

Она на меня бы кинулась, но вспыхнувший в руке аркан охладил пыл девицы. Все же хорошо, когда у человека отсутствие должного количества мозгов компенсируется хотя бы инстинктом самосохранения.

– Ну все, Флейм, ты пожалеешь. Я упеку тебя в тюрьму!

А вот это было уже более серьезным заявлением. Все же подставной брак – не

жертвоприношение на центральной площади столицы, но реноме светлой чародейке тоже может подпортить. Впрочем, вслух я сказала совершенно иное:

– Тюрьма – слишком громкое слово... А что же до людской молвы – я имею столь безупречную репутацию, что меня уже давно пора скомпрометировать.

Потому как идти на поводу у шантажистки – это все равно что добровольно давать ей в руки ляжку от ярма, которое накинута на твоей шее.

– Я напишу заявление дознавателям, – уже не столь уверенно произнесла Викар. – Ты аферистка и мошенница!

– И что же вы там укажете? Что хотели помимо воли, лэра Нормирского, заполучить его себе в мужья? – Я жестко усмехнулась, еще сильнее остужая пыл скандалистки – А я не стала нарушать закон против свободы выбора? В таком случае...

К слову, оный действительно в имперском уголовном кодексе присутствовал. Правда, касался приворотных зелий и ментального воздействия, но о том я решила не упоминать. Зачем такой красивой лэриссе, как Викар, отягощать голову лишними знаниями? От этого вдруг она думать начнет. А от мыслей портится гладкость. И мозга, в котором появляются извилины, и лица, на котором могут возникнуть морщины. Так что я лишь заботилась о внешности клиентки.

– Я все равно тебе отомщу, – змеей зашипела девица. – Винор мой!

– Твой-твой... А кто же с этим спорит? И я даже с радостью вручу вам его родовой перстень, – с готовностью согласилась я, глядя на верхний этаж, где на сцену скандала, медленно, но верно переходящую в торги, взирало все семейство Флейм. – Только придется доплатить.

– Какие доплаты?!

– За разглашение деталей договора объекту моего промысла – это раз. – Я демонстративно загнула палец. – И за особо ценное имущество. А точнее, родовой перстень Нормирского. Это два.

И мстительно назвала сумму, равную закладной на наш дом. Все же в задуманной аванюре риск был велик, посему я посчитала, что и плата должна быть соответствующей. О помолвочных перстнях было известно немного, но я подумала, что если успею выйти замуж за другого, то наверняка кольцо рыжего снимется с меня. Ну правда же, не может этот гонщик-летун звать замуж ту, которая уже состоит в браке с другим лэром? Только задуманную аванюру надо провернуть до того, как колокол на центральной башне пробьет двенадцать раз.

А у меня как раз заваялся тут кандидат в мужья. Правда, темный. Ну да я к цвету магии терпима. Да и долго в браке состоять не собираюсь. Так... пару ударов колокола.

– Это грабеж! – Викар едва не задохнулась от злости.

– Это всего лишь выражение семейного благополучия в денежных единицах.

– Оно мне золотым выходит! – Уперла руки в боки скандалистка.

– Так счастье дороже золота, – озвучила я расхожую людскую поговорку, от которой скептически хмыкали как гномы, так и драконы.

Гостья заскрипела зубами. Я же воочию увидела, как ее жаба жадности и запасливый хомяк вступили в неравный бой. В итоге победила дурость. В смысле желание выйти замуж во что (точнее, во сколько) бы это ни стало.

– Хорошо, будут тебе деньги, ведьма, – сказала, как прокляла, брюнетка и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

– Буду ждать к двенадцатому удару колокола у ступеней храма Лонга, – крикнула я ей вслед.

– А если я не успею? – Она резко обернулась. Ее сжатые до белых костяшек кулаки говорили без слов, что она думает обо мне.

– Мне придется выйти замуж. – Я сложила руки на груди, подумав про себя: еще бы знать, за кого? Но в любом случае мой супруг будет в браке почти добровольно, а я – по контракту.

В скрежете ее зубов мне послышалось отчетливое «убью». Кипя от гнева, незваная гостя наконец-то покинула дом. Правда, уходя, так сильно хлопнула дверью, что косяк, вытерпевший на своем веку не одну порцию женских (а порою и мужских) истерик, отвалился.

В наступившей гробовой тишине сверху, там, где лестница заканчивалась и столпилось все наше семейство, прозвучал вопрос рассудительной Уны:

– Ди, я правильно понимаю, что темного, который остался в папином кабинете, уже не нужно выпроваживать?

– Правильно. А если он надумает сбежать, то задержать!

Я еще никогда не была столь решительно настроена на замужество. Меня бы сейчас даже отсутствие жениха не остановило. Потому как лишаться магии и возможности выкупить дом из закладной я была не намерена. А если не избавлюсь до полудня от этого кольца, то потеряю как первое, так и второе.

Рей и Брукс тут же ринулись обратно в кабинет ловить ценного промыслового зверя – жениха северного, обыкновенного. В общем, наглядно проиллюстрировали древнюю холостяцкую мудрость: да уберегут тебя боги от ведьм, от светлых чародейек спасайся сам. Я уже было пошла следом за сестрами и даже поднялась на пару ступенек, но... Утро – это вообще время суток не для слабонервных. А в нашем доме – особенно.

Бабуля, которая обычно выходила из своих комнат раньше полудня, не иначе как разбуженная погромом, появилась в эту рань со стороны столовой. Была она в ночном колпаке, халате и крайней степени недовольства.

– Какого темного?! – возмущенно проскрежетала она на манер желны. Видимо, услышала вопрос Уны.

– Какого?... Уникального в своем роде. – Я пожала плечами в духе: какой вопрос, такой и ответ. Но потом все же пояснила: – Моего жениха! Он сделал мне сегодня утром предложение. И папа на него почти согласился. Правда, пап? – Я задрала голову, чтобы увидеть ошарашенное лицо отца.

Он не успел ничего ответить, как раздалось возмущенное:

– Только через мой труп! Я не позволю испортить генеалогическое древо нашего рода этим мерзким выкидышем Бездны! – тоном человека, заранее полного горя, пафосных речей, воспоминаний о былых эпических сражениях, аристократичной надменности и вселенской скорби, произнесла бабуля.

Она гордо вскинула подбородок и... напоролась на взгляд няни, которая как раз была родом из Темных земель. И взор Бонтирны без слов говорил: «Через ваш труп? Сейчас организуем в лучшем виде!».

К слову, противостояние нашей бонны и бабули было перманентной дуэлью с вызовом противника через перекрикивание по вентиляционной трубе. Как по мне, эта конфронтация держала в тонусе их обеих почище любых бодрящих и омолаживающих эликсиров. Старшая

Флейм считала няню богомерзкой бесовкой. Бонтирна, как истинная ведьма, благодарила за изысканный комплимент, чем бесила спесивую аристократку еще больше.

– Одумайся, внученька! – бабушка обратилась ко мне. И от того, как я, позор рода по ее же версии, была ей мгновенно переименована во «внученьку», у меня дернулся глаз. – Зачем тебе сдался этот некромансер? Темные те еще изменщики! Да что изменщики – кобели, – последние слова она произнесла со столь рьяной убежденностью, словно у нее к любвеобильным псам имелись личные счета.

– Сыны Мрака просто верны своим женам. Верны, как собаки! – тут же в пику старой противнице возразила Бо.

– Да что ты... – потрясая кулаком, начала бабуля, но ее перебили.

Грохот, раздавшийся на этот раз из папиного кабинета, сотряс весь дом. И семейство Флейм ринулось туда, откуда доносились звуки местного апокалипсиса. А там... Что же, могу сказать одно: мои сестры темного не только задержали, но и развлекли. Во всяком случае, он был занят: подвешивал девиц рода Флейм к потолку на манер окороков в коптильне.

– Ди, мы честно пытались на него напасть, – начала оправдываться Рей из-под колокола юбок. Лицо ее, находившееся на одном уровне с моим, было наполовину скрыто оборками подола и темными волосами.

Ловчий аркан, перекинутый через потолочную балку, обвивал ее лодыжку, обтянутую чулком. Последний на уровне колена переходил в панталоны, которые Рей сейчас и демонстрировала, повиснув вверх тормашками.

Брукс же, как и всякий боевой маг, юбки презирала, отдавая предпочтение штанам. И посему сверкала не панталонами, а исключительно злым взглядом в адрес темного, который ее «стреножил».

– У вас это почти получилось, – тоном взрослого дяди, уверяющего малыша, что его полуосыпавшаяся горка песка – замечательный куличик, возвестил темный. А затем закрепил аркан, удерживающий Брукс, за ножку комода и распрямился.

Северный лис отряхнул руки и невозмутимо уточнил:

– Так на чем мы остановились, лэр Флейм?

– На том, что моя дочь все же выходит за вас замуж, – сверля глазами моего «жениха напрокат», угрюмо ответил отец, а потом его взор медленно переместился на меня.

Вот за что люблю папу, так это за то, что как он сказал, так по-маминому и будет. Ну или, в моем случае, по-дочернему. Потому как он нас, его маленьких больших женщин, любил. И маму тоже – очень любил. И диктатуры с помолвками не устраивал, считая, что под венец нужно идти по своей воле, а не по принуждению.

– Спасибо, папочка! Ты самый лучший. – С этими словами я обняла опешившего отца. Хотела еще добавить, что я замуж быстренько – туда, обратно и назад – и ради оного променада даже маму, которая, как и бабушка, вставала ближе к полудню, будить не стоит. Но посчитала, что озвучивать свои планы по разводу при еще только потенциальном супруге – признак дурного воспитания. А потом резко обернулась к северному лису и уже совершенно иным, деловым тоном произнесла: – А с вами, господин темный, мы сейчас быстренько обсудим условия сдел... брака. И да, касательно денег: договоренность о сумме, которую вы предложили моему отцу, остается в силе.

За моей спиной тут же послышался шепот Торы. Вообще-то, это было достаточно громкое восклицание. Впрочем, так случалось часто: То считала, что говорит собеседнику

исключительно тихо, на ухо. Но при этом все остальные, в радиусе нескольких шагов от нее, были в курсе «полутонного» сообщения сестренки.

– Вот я всегда говорила, что из нас Ди – самая практичная. Посмотри, она даже замуж выйдет сейчас с двойной выгодой! Получит плату от этой психической и от темного.

– Придушу, – не оборачиваясь, пообещала я сквозь зубы.

Тора, услышав это, оскорбилась до глубины души. И мстительно прошипела на всю округу:

– И все-таки у Ди невыносимый характер!

Я не выдержала поклепа, обернулась через плечо и цыкнула:

– А не нужно его куда выносить. Положить там, где взяли, и больше не трогать. Тогда все будут живы. И даже частично здоровы!

– Простите, а могу я побеседовать с моей невестой?! – иронично вклинился в нашу перепалку темный.

И тут же удостоился еще одного испепеляющего взгляда от Брукс. Видимо, ей, как боевому магу, претила мысль, что кто-то сумел поймать ее в ловчий аркан, как адептку-первокурсницу. И сейчас она тихо и почти незаметно пыталась избавиться от пут.

Ответом на вопрос темного стала привычная дому Флейм многоголосица, в которой неуловимо сквозил флер семейного дурдома.

– Я бы с радостью вас покинула, – отозвалась Рей, – если кто-то вернул бы меня в нормальное положение.

– Я никуда отсюда не выйду! – воинственно отозвалась бабуля.

– Правильно, из «выходить» вы только из себя и умеете. А ножками да по паркету – воспитание не позволяет, – не преминула съехидничать бонна.

– Да как ты смеешь! – вскипела седая аристократка.

– Они опять... – обреченно донеслось от Уны, хлопнувшей себя по лбу.

– Ставлю в этом споре семь медек на ведьму. – Эмма азартно толкнула локтем Тору.

– Какую именно: Бо или ба? – «шепотом» уточнила красавица-сестра. К слову, вопрос оказался не праздный, ибо няня была ведьмой по призванию, а бабуля – по состоянию души.

– Девочки! – попытался одернуть дочерей папа. Увы, проще успокоить восставшее кладбище (даже если ты ни разу не некромант, а из орудий магической волшбы у тебя в руках только заступ), чем призвать к порядку женскую часть семейства Флейм.

Темный же, глянув на это безобразие и не иначе как прикинув, через сколько ударов колокола это все прекратится, поступил как... истинный дракон: своровал меня! Натурально. На глазах отца, сестер, няни и бабули. Перекинул через плечо, второй рукой выставил круговой щит от града словесных возмущений, подкрепленных ядерными заклинаниями, и начал отступать.

Я думала – к окну. Но нет. Где темный – и где очевидные решения проблемы? Правильно, на разных погостах упокоены. Потому, на миг ослабив щит, он махнул рукой, кастуя заклинание, и папин кабинет обзавелся новым авангардным дверным проемом в пещерном стиле. Взвилось облако мусорной пыли, на пару мгновений скрывшее всех ото всех. А когда я наконец проморгалась, то узрела знакомую с детства коридорную ковровую дорожку, которой моль не только подзакусила, но и построила в ее ворсе повивальный дом. Затем перед глазами замелькали ступеньки лестницы, пол гостиной с осколками зеркала и...

Утренний холод улицы впился во всю меня разом. И если до этого я не сильно и сопротивлялась похищению – все же это был самый быстрый способ остаться наедине и

узнать, на кой я вообще понадобилась темному, – то теперь возмутилась:

– Зачем меня было красть? Да еще и в этот собачий холод! Я же и так согласилась на брак!

– Я в курсе, – даже не запыхавшись, произнес на бегу этот северный лис, унося меня все дальше от отчего дома, – слышал ваш милый разговор с той громогласной лэриссой, как и ваше обещание вернуть ей перстень. После чего вы согласились стать моей женой. Так что, я полагаю, кольцо неснимаемое? – задал он риторический вопрос.

Я ответила ему яростным сопением.

– Так вот. Судя по тому, как легко вы согласились на наш с вами брак, то после заключения оного рассчитывали столь же быстро стать моей вдовой...

– Фофсе нет! – возмутилась я, правда, попавшие в рот волосы заглушили яростный запал. Пришлось отплевываться, а когда я вновь была готова к диалогу, меня уже, как мешок, сгрузили в летнюю ладью, которая, покачнулась в воздухе, а затем так стремительно начала набрать высоту, что меня вжало в сиденье.

– Вот теперь можем спокойно поговорить, – глянув за борт, резюмировал лис. – Касательно нашего брака. Мне нужна жена надолго. Желательно – не пытающаяся перманентно меня убить. И главное, она должна быть живая.

Я хотела было сглотнуть, но холод кусал меня сквозь махровую ткань халата, жалил пятки, и вообще, всячески способствовал тому, чтобы мои зубы выбивали чечетку. Потому я уже приготовилась, что согревающее заклинание получится у меня не с первого раза, но тут темный щелкнул пальцами – и мое тело окутало теплое облако.

– Сп-пасибо, – вырвалось непроизвольно. Я вскинула голову, и наши с лисом взгляды встретились.

Говорят, что глаза – это отражение силы духа. В них можно утонуть, если посмотреть неосторожно. Порою взгляд способен очаровать или разочаровать... А у этого северного лиса был такой, о который можно порезаться.

Он без слов говорил, что предо мной практичный, амбициозный и расчетливый темный. Такой, который без колебаний готов заключить сделку с высшим демоном. А все потому, что этот сумеречный маг, глянув на контракт, успел найти в договоре пару недочётов, которые можно будет легко обжаловать в суде высших сил. В общем, северный лис оказался из породы тех, кто умеет прощать врагов так, чтобы те плакали.

– Не смотрите на меня так, – вырвалось у меня помимо воли.

– Как именно? – процедил он.

В глубине его карих глазах застыло что-то такое, отчего я пожалела, что не прихватила с собой арбалета. А еще – пары разрывных амулетов, палицы, полного рыцарского доспеха и летной эскадрильи боевых драконов. Ну так, на всякий случай.

– Как экзорцист на беса, прикидывая, вернуть ли его в Бездну, или он еще пригодится в хозяйстве.

– Вообще-то, я и есть черный экзорцист, – припечатал темный.

– Издеваешься? – У меня нервно дернулся глаз. Ибо от мага, после общения с которым даже инкуб может раскаяться и добровольно уйти в монастырь, можно было ждать неприятностей только высшего разряда.

А потом я поняла, что перешла с «вы» на «ты», как истинная воспитанница няни Бо, наплевав через плечо на светские условности.

– Даже не начинал. – Он резко подался вперед. Рывком положил ладони с обеих сторон моего сиденья, оказавшись слишком близко. Тревожно близко. Настолько, что тонкая светлая косичка северного лиса, заплетенная у виска, мазнула меня по щеке.

Мы замерли. Лодка плыла над городскими крышами, кусачий ветер обещал скорый снег, на востоке почти зимнее багровое солнце неспешно начинало свой ход. А меня посреди этого холода обдало жаром. Но не такими, который согревает, а тем, после которого выступает холодный пот.

Я чувствовала дыхание темного у себя на коже, бушевавшую внутри него злость, которая таилась под холодной броней невозмутимости, силу, что исходила от него. И только сейчас, кажется, в полной мере ощутила, кто навис штормовой тучей надо мной.

Это и привело меня в ярость. Страх ушел, уступив место жгучему раздражению. Я ненавидела, когда мной пытались манипулировать. А темный сейчас именно это и делал: подавлял, заставляя играть по его правилам, причем даже не объяснив оных. Жену ему нужно. Надолго. Как бы не так!

У меня на это замужество имелись свои планы. Например, как жить долго, счастливо и

уважать личное пространство этого северного лиса. Настолько уважать, что жить от него на другом конце империи.

Я подалась вперед, так что наши носы практически коснулись друг друга, и выдохнула ему в губы:

– Темный, кажется, у меня начинают появляться чувства к тебе.

– Неужели?

– Да, определенно. Я чувствую, как ты меня бесишь.

– Знаешь, светлая, это взаимно, – с этими словами он резко отстранился, вернувшись на свое место напротив меня.

Я про себя облегченно выдохнула и, сглотнув, задала главный вопрос:

– Так зачем тебе жениться на светлой? Выбрал бы себе невесту из темных.

– Пробовал. Темные до алтаря не доходят.

– Сбегают? – уточнила я, думая о тяжелом характере лиса.

– Не доживают, – он произнес это столь спокойно и буднично, что я поняла: не врет.

– Знаешь, тебе не говорили, что твою честность можно отлично использовать вместо дубины? Она настолько оглушительная, что может и убить, – ошарашенно отозвалась я, начиная догадываться, почему понадобилась этому ненормальному темному. А что, принцип «кого не жалко» действует не только на войне, но и при заключении брака.

– Или позволит двум сторонам быстрее договориться...

«...до серьезных неприятностей», – я мысленно закончила фразу темного. Впрочем, вслух ничего не сказала.

– И почему же невесты умирают?

– Видимо, потому, что кто-то очень сильно не хочет, чтобы я остался Хозяином Бурь.

Я напрягла память. Единственное, что я слышала от ведьмы Бонтирны о Хозяине Бурь, – это титул владельца северного удела, того, что на юге граничит со знаменитым на обе империи городком Хеллвилем – пристанищем вольных чародеев всех мастей и рас.

А еще то, что издревле именно Хозяева Бурь служили щитом для срединных и южных Темных земель от набегов Всадников Дикой охоты, которые раз в несколько лет приходили со снежных пустошей.

– А при чем тут женитьба? – не поняла я связи.

– При том, что Хозяин Бурь обязан иметь жену. А если ее нет, то глава северного удела должен сочетаться браком как можно скорее.

– Не понимаю, что плохого в холостяцкой жизни? – нахмурилась я.

– Я тоже считаю, что ничего. Но Всадники Дикой охоты с этим утверждением, увы, не согласны. Они чтут лишь свои обычаи. И согласно им у вождя должна быть жена. Живуча... – он запнулся и поправился в последний момент: – Живая. С тем же хедвигом, у кого нет ни жены, ни наследников, Всадники северных пустошей не сядут за один стол.

– Для трапезы? – спросила я.

– Для переговоров. Около ста лет назад мой дед заключил со снежными кочевниками мирный договор. Если точнее: так намял им бока, что ныне они не совершают набег, а приезжают с дружескими визитами. Раз в пять лет. Как по графику. Но в той войне poleg каждый второй житель удела. Замок лежал в руинах, а земли были разорены. Моему отцу достались от деда слава победы, голод и нищета. И он сделал все, чтобы не только поднять Касселрок с колен, но и не допустить новых битв.

Он говорил, а я понимала: влипла. Капитально. Передо мной был тот, кто пойдет ради

достижения своей цели не то что к алтарю, даже на сотый уровень Бездны, если от этого будет зависеть благополучие его удела. Его народа. Его империи.

– Диксари, я собрал сведения о тебе и твоей семье. У рода Флейм столько кредитных расписок, что твой отец не очутился в долговой яме лишь чудом. Поэтому я предлагаю тебе сделку: ты выходишь за меня замуж и постарайся не умереть в нашем браке до тех пор, пока я не найду того, кто столь сильно не желает видеть меня Хозяином Бурь. Как только я его уничтожу, ты будешь свободна. Я же гашу все долговые расписки твоей семьи. Не только закладную на дом. ВСЕ. И ты сможешь снять это кольцо и останешься при своей магии. – Он кивком указал на помолвочный перстень, который и вправду с каждым ударом сердца забирал все больше сил. – Через пару лет ты будешь свободна... подумай.

– А как же «Хозяин Бурь должен иметь жену»? – Я изогнула бровь.

– Я и буду. Истинную Темную, которая родит мне законных наследников. Именно поэтому на то время, что ты станешь моей женой, тебе не стоит снимать личину.

Я закусила губу. Да уж... Брак на выживание... Я столько раз подстраивала свадьбы, что, видимо, судьба решила преподнести мне самой урок. Да еще из таких, которые лучше бы и прогулять.

– Я согласна при условии, что буду фиктивной женой, – выдохнула, словно с обрыва прыгнула. Хотя с большей радостью я бы стала сразу фиктивной вдовой.

– Если ты об исполнении супружеского долга, то не переживай. В империи Темных нравы не столь строгие, как тут. Ты можешь исполнять его с кем заблагорассудится. Я, впрочем, тоже. Но будь добра блюсти приличия при Всадниках.

С каждым его словом желание придушить темного становилось все сильнее. И пока это желание не переросло в действие, я постаралась успокоиться.

– С тобой все в порядке? – в мой медитативный процесс вмешался озадаченный голос одного самоубийцы.

– Да! – рявкнула я, резко открыв глаза. – Со мной все в полном и окончательном порядке. – И я от души треснула кулаком по краю борта лодки.

– Понятно... – резюмировал темный тоном «активирую разрывную пентаграмму и уношу отсюда ноги».

Его взгляд остановился на моей сжатой ладони, которой я ударила о дерево. Я посмотрела на свою руку. Она горела. А дерево под ней начало обугливаться.

– Арх! – выругалась я, про себя пожелав темному, чтобы василиск от него глаз отвести не мог. Все же довел меня до пробуждения моей настоящей меты.

Затрясла рукой, сбивая пламя, которое нехотя стало вбираться обратно под кожу.

– Я думал, водники в мгновения сильного эмоционального волнения призывают родную стихию, а не противоположную.

– Я тоже думала, что некроманты призывают к брачному алтарю ведьм, а не светлых, – вернула я северному лису его подколку, и не подумав объяснить такую чертовщину с собственным даром.

Ну да, при моем рождении случился в благородном семействе конфуз: я родилась не с метой в виде волны, а с рисунком пламени. Неслыханный скандал для семейства, в котором уже триста поколений как появлялись на свет исключительно водники. За чистоту магии отвечал фамильный артефакт. Отец, женившись на маме и став главой рода, принял вместе с долгами и эту реликвию. А она приняла его, усилив способности папы и наградив детей сильным даром водных магов. Всех, кроме меня. Но мало того что я оказалась огневиком от

рождения, еще и получилось так, что фамильный артефакт на меня за что-то ополчился, не только не желая признавать за истинную Флейм, но и подавляя. Настолько, что я, едва родившаяся, сильно заболела.

Бабушка, как узнала об этом, схватилась сразу и за голову, и за сердце, и за кошелек... И ринулась бы запечатывать мне дар – лишь бы избавить семью от позора, а дочь от сплетен о нагулянном на стороне чаде, вот только отец и мама были против. Папа и вовсе предложил уничтожить фамильный артефакт, но не калечить дочь.

Старая аристократка же руководствовалась принципом: пусть младшая внучка будет совсем без магии, чем каждый будет тыкать в нее пальцем, сомневаясь в происхождении. В общем, бабушка следовала логике аристократов: все что угодно, кроме позора.

И не знаю, до чего бы дошел тогда спор над моей колыбелью, если бы не вмешалась няня. Она, как истинная ведьма, предложила решить проблему с выгодой для себя. Точнее – для меня. Просто украсть нужную мету. Если фамильному камню только водников подавай, то новорожденная будет водником. И точка.

Вот только кража, как и продажа дара в светлой империи, была вне закона, но родители решились на сей поступок. Нашли мага, который согласился продать свой дар. Отец в очередной раз перезаложил дом, подписал кабальный контракт с гильдией погодников на пять лет, а я стала водником. И семейный артефакт меня признал, болезнь ушла. Больше я ничем не отличалась от сестер. В академии никто не усомнился в том, что я истинная Флейм, а не приبلудыш.

Ныне на моем запястье красовалась волна. А пламя стыдливо пряталось под одеждой, но нет-нет да и прорывалось. Чаще – в характере. Но порою, как и сейчас, в самом прямом смысле этого слова огонь слетал с кончиков пальцев.

– Кого не жалко, того и беру, – ничтоже сумняшеся ответил темный. – К тому же брак для того и нужен, чтобы использовать друг друга.

– Ну если так... – Я глубоко вдохнула, выдохнула и мстительно закончила фразу: – ... тогда ты будешь моим тренировочным мужем. А что? Кто-то перед тем, как родить детей, заводит домашних животных, чтобы попрактиковаться...

Лис посуровел. Судя по всему, тренировочным его еще не обзывали.

– Хор-р-ошо, – протянул он.

А я поняла, что все же главный мой талант – бесить – все еще при мне. И на душе стало как-то светлее сразу.

– Тогда перейдем к договору? – уточнила я и непроизвольно поёжилась: все же согревающее заклинание заклинанием, а пятки мерзли. Да и плечи холодило, и... вообще, на улице снег того и гляди пойдет, а я тут в халате над городом летаю. Пусть и в лодке, а не на метле.

– Кровная клятва устроит? – в духе истинного гнома вопросом на вопрос ответил темный.

– Подробная. – Я прищурилась. – И оплата всех долгов моей семьи – наперед, до заключения брака.

Темный посмотрел на меня очень внимательно. Взгляд его карих глаз был подобен набату. Он тревожил и манил одновременно. Захотелось отвернуться и в то же время не отводить взор. Я все же нашла в себе силы опустить взгляд ниже, на острые скулы, на не идеально-прямую линию носа, резко очерченные губы, которые искривила усмешка, на выбившуюся из хвоста светлую прядь, что заканчивалась у левого подбородка.

Лис сидел в распахнутом колете, полы которого трепали порывы ветра.

Но, казалось, темный не обращал на это никакого внимания. Он изучал меня. А потом, сглотнув, произнёс:

– Идет. Только думаю, стоит обговорить дела в более подходящем месте.

Я согласилась, и уже через четверть удара колокола трактир «Святые порты», расположившийся в Сдобном квартале, встречал своих первых утренних посетителей. Нас.

И встречал настороженно. Подавальщица, кося на меня взглядом, осведомилась, чего гости желают, и, приняв заказ, исчезла в боковой двери.

Я же осмотрела пустой зал: чистые беленые скатерти, стулья, а не лавки, выскобленный пол. А главное – здесь было тепло. Весело трещали поленья в камине, и даже осенняя муха упорно билась в прозрачное стекло, отказываясь впадать в спячку.

Мы только расположились за столиком, как в зал выполз не иначе как сам хозяин таверны. Причем шустро так выполз. Его хвост извивался по полу, в то время как тело нага было вертикальным.

– Ис-с-чадьям тьмы здесь-сь делать нечего... – прошипел он, впери в лиса свои вертикальные зрачки и ощерив ядовитые клыки.

– Значит, здесь только исчадьям света дозволено трапезничать? – в тон змею спросил лис, вставая. Выразительно спросил, исключительно в манере боевых магов, размяв пальцы так, что костяшки хрустнули.

Лис с шумом отодвинул стул. Я подумала, что сейчас кто-то чего-то недосчитается: либо наг клыков, либо я жениха, а заодно и завтрака. За завтрак было особенно обидно. Я жутко проголодалась. Но вряд ли после драки, учиненной северным лисом, меня тут накормят.

Я аккуратно поднялась со своего места, сделала шаг, другой, поближе к стеночке. Там и щитом прикрыться удобнее, и к выходу поближе. Опять же для красоты и антуража секиры на стене висят... И тут в звенящей напряжением тишине прозвучало:

– Старый хрыч! Я думал, тобой в Шумерлинских топях льерны подзакусили. А ты, отказывается, в светлой столице хвост греешь. – С этими словами темный широко улыбнулся и, распахнув объятия, шагнул навстречу нагу.

Тот радостно оскалился, зашипел что-то в духе: «Убить бы тебя, гада, да старая дружба не позволяет» – и ответил на объятия. Причем искренне – аж погремешка на конце хвоста затрещала, выдавая чувства хозяина с головой.

– Шейс, все так же за полет стрелы чуешь нас, темных, и ненавидишь столь же рьяно? – обнимая и хлопая друга по плечам, спросил лис.

– Почти всех. Ты, Хозяин Бурь, исключение. – Он хитро усмехнулся. – Рад видеть тебя после стольких зим. А кто твоя спутница, готовая приласкать меня парой проклятий? – Наг обернулся ко мне, его раздвоенный язык затрепетал в воздухе.

– Она светлая. Так что с проклятиями у нее туго.

«Это он зря!» – мысленно возразила я лису. Трактат о проклятийных благословениях, за авторством Вивиан Бьерк, урожденной Блэквуд, я не только прочла, но и выучила назубок. Так что мое добрословие могло быть почище многих темных чар.

– Светлая? – не поверил наг, выразительно глянув на меня, добрую, ласковую, отзывчивую волшебницу с топором в руках.

– Ди! Верни на место! – прошипел сквозь зубы лис, обернувшийся в мою сторону и узревший картину «дева со столовым прибором тролля в руках». – Это боевая секира Шейса.

Его гордость и достояние. Он ей столько нежити пошинковал в топах...

– А мог бы еще и капусты. Чего хорошему лезвию без дела простаивать? – из чувства противоречия, ощущая себя в глупейшей ситуации, проворчала я.

Но по выражению лица змеелюда я поняла, что он готов порубить не кочан, а одну чародейку, осмелившуюся взять в руки его реликвию, если та не вернет оружие на место.

Ну я и повесила топор обратно. Как говорится, не больно-то и хотелось... Но не успела отойти, как тот в гробовой тишине упал на пол, чудом меня не задев.

Обух лежал как раз рядом с моими ногами. И я аккуратно, под испепеляющим ненавистью взглядом Шейса, пяткой задвинула его под лавку. И с выражением лица «так оно и было» взглянула на лиса.

– Ты уверен, что она светлая? – уточнил наг, не отрывая от меня взгляда.

– Да, уверен. А еще она моя будущая жена.

– А как же Лорелея? Ты же ей хотел предложение сдел... – вырвалось у ящера.

– И сделаю. Но позже, – перебил друга темный и тут же сменил тему разговора: – А пока накорми нас чем-нибудь.

А я, кажется, поняла, чью личину буду носить несколько лет. Эту Лорелею, в отличие от меня, северному лису было для брака на выживание жалко.

Змеелюд и накормил. Тушеной капусткой. Не иначе как изощренно мстя мне за предложение рационального использования в хозяйстве ненужной боевой секиры. Правда, случилось это после того, как друзья обменялись не только объятиями, но и перекинулись дюжиной фраз.

А пока они разговаривали, сметливая подавальщица по знаку трактирщика принесла мне старые, но добротные тапочки.

Зато за завтраком мы с женихом обсудили не только размер моего «гонорара», но и дату отбытия в темные земли, и то, что требуется от меня как от супруги, и как скоро я смогу вернуться. В общем, вели торги по всем правилам гномьей науки о сделках, добиваясь для себя максимальной выгоды, а для оппонента – нервного срыва. А когда наконец-то пришли к соглашению, то обоюдная кровная клятва заняла у нас чуть ли не пол-удара колокола: мы не доверяли друг другу и на гнутую медьку и старались быть предельно точными в формулировках зарока.

Когда же с делами было покончено, я из любопытства задала точивший меня вопрос:

– Наги же обычно ненавидят темных почище драконов. Как так получилось, что ты не только знаешь трактирщика, но он при виде тебя плюется не ядом, а радостными восклицаниями?

– Просто наги больше темных ненавидят нечисть, а ее в вольных землях окрест Хеллвиля водилось изрядно. Я тогда был простым наемником, как и Шейс. Вот мы и встретились трое на одном болоте.

– Трое?

– Он, я и неприятности, – пояснил лис. – Последние – исключительно в лице друга, который решил сожрать двух наглых охотников за его головой.

Я вспомнила картинку из бестиария, где была изображена эта болотная тварь в три человеческих роста, и поежилась. А потом меня кое-что насторожило. Всего одно слово «наемником». Наследник великого рода – и простой вольный маг, разъезжающий по трактам и истребляющий нежить за пару золотых? Впрочем, кто этих темных знает...

– Кажется, нам пора в ратушу. – Лис посмотрел в окно.

Едва он это произнес, как кольцо на моем пальце напомнило о себе легким жжением.

Мухогрыз сожри этого Винора с его родовым перстнем! Я покосилась на свои персональные «обручальные кандалы». И пусть украшение на моем пальце выглядело невинно, но не стоило обольщаться: оно способно притянуть невесту к алтарю, даже если та будет в бегах, при смерти и рожаящая разом. Все равно в назначенный удар колокола суженая придет. И выйдет замуж как миленькая.

[Продолжить чтение](#)